ЛЕ
457

ЗАМѢТКИ

О

ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКѢ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Н. Д. Чечулина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°., Фонтанка, 95.
1895.

ЛЕ
457

ЗАМѢТКИ

О

ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКѢ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Н. Д. Чечулина.

369/1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°., Фонтанка, 95.
1895.

2-й экз

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, октябрь 1895 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

865389

I.

Въ тотъ моментъ, когда престолъ русскій былъ занятъ Екатериною II, внѣшнія отношенія Россіи были чрезвычайно запутаны. Петръ Ѳеодоровичъ во всемъ, что только могъ онъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, шелъ на перекоръ сдѣланному въ царствованіе Елизаветы, особенно въ послѣдніе его годы. Тѣсный союзъ съ Австріею и Франціей, сообща съ которыми Россія боролась противъ Пруссіи, былъ порванъ; съ Пруссіей и Англіей былъ заключенъ миръ; русскій посланникъ въ Константинополѣ получилъ предписаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ посланникомъ прусскимъ и поднимать Порту противъ Австріи; новая война грозила Россіи, такъ какъ отношеніи къ Даніи быстро обострились до послѣдней степени, благодаря спорамъ изъ-за наслѣдственныхъ голштинскихъ владѣній Петра Ѳеодоровича. Этотъ крутой переворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ былъ основанъ на личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ тогдашняго императора; принимаемыя имъ рѣшенія, какъ и въ какую сторону направить русскія силы въ области иностранной политики, были, конечно, исполняемы, но не пользовались ни малѣйшею популярностью и никакимъ сочувствіемъ даже среди самыхъ близкихъ къ императору русскихъ людей [1]). Отношенія къ иностраннымъ государствамъ, опредѣленныя единственно произволомъ, капризомъ, конечно, не могли быть усвоены и продолжаемы при новомъ правительствѣ,

---

[1]) Баронъ Гольцъ, посланникъ Фридриха при Петрѣ III, доносилъ, что Мельгуновъ кажется ему особенно опаснымъ; по словамъ Фридриха Д. В. Волковъ неутомимо интриговалъ противъ прусскихъ интересовъ при Петрѣ Ѳеодоровичѣ— см. *Щебальскій*, Политическая система Петра III, 155, 156; *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества*, т. XXII, 182.

самое появленіе котораго было вызвано именно ошибками прежняго; нѣкоторая перемѣна въ нихъ была неизбѣжна и необходима; изъ европейскихъ державъ однѣ очень желали этой перемѣны, другія очень ея опасались; но ни тѣ, ни другія не были увѣрены, что ожиданія ихъ сбудутся: событія въ Россіи за послѣдніе шесть мѣсяцевъ давали, казалось, полное основаніе ожидать и какихъ либо новыхъ перемѣнъ; къ тому же послѣднее царствованіе успѣло серьезно испортить отношенія Россіи къ ея прежнимъ союзникамъ, но не установило сколько-нибудь твердыхъ дружескихъ связей съ новыми. И вотъ король прусскій, страстно желавшій, чтобы миръ не былъ Россіей нарушенъ, но не увѣренный въ томъ, что успѣетъ его сохранить, на неблагопріятный случай, подъ рукой подготовлялъ Россіи затрудненія со стороны Турціи, искалъ заключить съ ней союзъ и старался заранѣе дискредитировать заявленія русскаго посла, если бы они стали явно невыгодны Пруссіи, внушая турецкому министерству, что вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ нимало не ослабѣло, что и впредь, какъ при Петрѣ III, Пруссія будетъ руководить политикой Россіи [1]). Австрійскій посолъ въ Петербургѣ настаивалъ, что Россія обязана возобновить нарушенный союзъ съ имперіею и снова вступить въ войну съ Пруссіей; но въ то же время, опасаясь, что не добьется этого, онъ предлагалъ своему правительству поднимать Турцію противъ Россіи и не упускалъ случая, гдѣ было можно, дать Россіи почувствовать недовольство своего двора; устраненіемъ ея отъ участія въ заключеніи Губертсбургскаго мира Пруссія и Австрія доказали, какъ мало онѣ обращаютъ вниманія на желанія Россіи. Осторожно, неуступчиво въ переговорахъ держалась и Англія, понимая что ни въ какомъ случаѣ не сохранить ей того вліянія, какое началъ пріобрѣтать въ Петербургѣ ея посолъ при Петрѣ Ѳеодоровичѣ; Франція открыто выражала недружелюбіе и даже прямо неуваженіе къ русскому правительству; Данія, уже нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ стало почти несомнѣннымъ, что войны у насъ съ Россіей не будетъ, не захотѣла упустить случая причинить Россіи хотя маленькое затрудненіе по дѣлу объ опекѣ надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ голштинскимъ; явно недружелюбно держалась, наконецъ, и Польша.... Новому правительству предстояло устроиться среди этой путаницы.

---

[1]) *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества*, т. XLVIII, 28—29, 230.

Въ самый первый моментъ тѣ люди, которые были ближе другихъ къ Екатеринѣ, не избѣгли нѣкоторой ошибки: чувствуя необходимость какъ можно яснѣе указать отличіе новаго правительства отъ прежняго, столь непопулярнаго, они громко заявили свое неодобреніе его внѣшней политики, особенно мира съ Пруссіею, который лишилъ Россію всѣхъ плодовъ тяжелой войны. Въ манифестѣ 28-го іюня въ числѣ винъ Петра Ѳеодоровича, наряду съ опасностью, какой подвергалъ онъ вѣру, и наряду съ невниманіемъ его къ государственному правленію, указано было и то, что „слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ черезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе“ [1]). Эти слова, слишкомъ подчеркивавшія недружбу къ Пруссіи, сочтены были затѣмъ неудобными; ихъ уже нѣтъ въ знаменитомъ. „Обстоятельномъ манифестѣ о возшествіи Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ“, изданномъ черезъ недѣлю послѣ перваго (6 іюля 1762 г.) [2]). Это было замѣчено тогда въ Петербургѣ: австрійскій посолъ обращалъ на это вниманіе своего правительства и писалъ даже, что князю Репнину поручено объяснить королю прусскому „оскорбительное“ для него выраженіе въ манифестѣ 28 іюня „тревогами и смятеніями первыхъ дней“ и увѣрить его, что русская государыня „вовсе не смотритъ на него, какъ на естественнаго или злѣйшаго врага Россіи“ [3]). Самъ австрійскій посолъ, графъ Мерси д'Аржанто, хотѣлъ воспользоваться нѣкоторою неловкостью, которая возникала изъ этого для русскаго министерства, и на конференціи съ канцлеромъ 20-го августа 1762 г. настаивалъ, что поведеніе русскаго правительства относительно Пруссіи съ одной стороны и Австріи съ другой, стоитъ въ противорѣчіи со взглядами, высказан-

---

[1]) Такъ читается эта часть манифеста въ Полномъ Собраніи Законовъ, № 11.582 и въ книгѣ: „Указы Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны“, напечатанной (in-8°) въ 1765 г. по Высочайшему повелѣнію въ Сенатской типографіи; въ IV т. „*Восемнадцатаго вѣка*“, стр. 216, въ перепечаткѣ этого манифеста, повидимому съ подлинника изданія 28-го іюня 1762 г., читаемъ: „съ самымъ ея злодѣемъ“.

[2]) Перепечатанъ съ рѣдкаго экземпляра въ IV т. „*Восемнадцатаго вѣка*“, 216—223.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVI, стр. 71. Въ напечатанной перепискѣ русскаго министерства о такомъ порученіи кн. Репнину не говорится; это, впрочемъ не даетъ намъ права отрицать сообщенія графа Мерси; оно, впрочемъ, цѣнно уже какъ свидѣтельство, что упомянутое выраженіе манифеста привлекло вниманіе.

ными незадолго предъ тѣмъ русскимъ министерствомъ; съ неудовольствіемъ и очень рѣшительно этотъ пунктъ былъ изъятъ изъ обсужденія съ австрійскимъ посломъ [1]).—Какъ только въ Петербургѣ успокоились, какъ только дѣла приняли болѣе спокойное теченіе—правительство Екатерины немедленно же начало устанавливать отношенія Россіи къ другимъ государствамъ на новыхъ основаніяхъ.

Русская политика XVIII в. не изложена въ какомъ либо русскомъ сочиненіи, которое представляло бы нѣчто подобное сочиненіямъ Фридриха II (Histoire de mon temps и др.)—для политики прусской, или сочиненіямъ Флассана (Histoire de la diplomatie) и Фавье (Conjectures raisonnées)—для французской. Если эти и имъ подобные труды не заключаютъ свѣдѣній совершенно полныхъ, если они представляютъ иногда данныя не совсѣмъ точныя и достовѣрныя [2]), то все-таки они

---

[1]) Депеша графа Мерси отъ 21-го августа (2-го сентября) 1762 г., въ которой, очевидно, изложена конференція 20-го августа, не была сообщена изъ Вѣнскаго архива въ Императорское Русское Историческое общество (*Сборникъ*, т. XLVI, 123, прим.); о конференціи этой узнаемъ изъ рескрипта графу Воронцову въ Лондонъ отъ 21-го августа 1762 г. (*Сборникъ*, т. XLVIII, 80) и изъ изложенія ея у *Соловьева*, Исторія Россіи, т. XXV, изд. 224—225.

[2]) Особенно осторожно надо относиться къ сообщеніямъ Фридриха II. Довольно сказать, что предисловіе къ своимъ „Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg jusqu'a la fin du partage de la Pologne“ онъ кончаетъ такими словами: „Je n'ai jamais trompé personne durant ma vie; encore moins tromperai-je la postérité“ (Oeuvres de Frédéric le Grand, 1847, t. VI, 8). Повѣряя показанія прусскаго короля, который, повидимому подражая Юлію Цезарю, хотѣлъ писать свою исторію, съ подлинными документами, мы постоянно наталкиваемся на неточности очень значительныя. Въ другомъ мѣстѣ намъ придется отмѣтить очень много ошибочныхъ утвержденій въ сочиненіяхъ и перепискѣ Фридриха; ограничимся здѣсь нѣкоторыми. Такъ, Фридрихъ говоритъ совершенно точно и утвердительно (Oeuvres, VI, 12), что о необходимости посадить на польскій престолъ Пяста заговорили въ Петербургѣ и Берлинѣ лишь послѣ смерти Августа III и его старшаго сына (умеръ въ декабрѣ 1763 г.); онъ не однократно утверждаетъ (тамъ же, 22, и того же изданія т. XXVI, 312), что война была начата Турціей совершенно неожиданно для Россіи; онъ говоритъ, что онъ именно возбудилъ въ Польшѣ диссидентское дѣло и т. д. Съ документами въ рукахъ можно доказать, что всѣ эти показанія ошибочны: о Пястѣ переписка шла по крайней мѣрѣ съ февраля 1763 г., войны съ Турками ожидали постоянно, о диссидентахъ предписанія Кейзерлингу и Репнину были даны изъ Петербурга за $1^1/_2$ года предъ тѣмъ, когда Фридрихъ поручалъ своему послу „разузнать“ намѣренія русскаго правительства по этому дѣлу и затѣмъ выражалъ удовольствіе по поводу сдѣланныхъ уже и предположенныхъ шаговъ и т. д. — Вообще критическая провѣрка „Исторіи“ и „Мемуаровъ“ по новымъ документамъ Фридриха была бы очень полезна и любопытна.

способствовали тому, что даже у читателей спеціалистовъ—не говоря уже о читающей публикѣ, которая черпаетъ свои свѣдѣнія изъ компилятивныхъ грудовъ, особенно охотно повторяющихъ слова именно такихъ источниковъ, какъ мемуары Фридриха,—складывается довольно опредѣленное, хотя иногда и не совсѣмъ вѣрное, представленіе о характерѣ, цѣляхъ, пріемахъ и результатахъ политики того или другаго государства. Но цѣли, планы и пріемы политической дѣятельности Екатерины и Панина можно узнать только изучивъ ихъ политическую переписку, которая за послѣднее время сдѣлалась вполнѣ доступна. Опубликованная переписка Петербурскаго кабинета за первыя десять лѣтъ Екатерининскаго царствованія и донесенія изъ Петербурга иностранныхъ представителей о словахъ и дѣйствіяхъ русскихъ министровъ, отчеты пословъ о ихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ отъ сношеній съ русскими дѣятелями—представляютъ матеріалъ весьма обширный, въ высшей степени любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ—совершенно достаточный для того, чтобы выяснить политическую систему правительства Екатерины II. Изъ этихъ документовъ политика его раскрывается вполнѣ, и нерѣдко въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ представлялась она, пока о дѣйствіяхъ и даже цѣляхъ и планахъ русскихъ дипломатовъ судили почти исключительно по разказамъ иностранцевъ.

Обращаясь къ этому матеріалу мы знаемъ заранѣе, что будемъ имѣть дѣло и съ преувеличеніями, и съ умолчаніями, что встрѣтимъ страстную оцѣнку событій и лицъ. Это и понятно: всѣ эти бумаги были составлены подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ событій или съ несомнѣнною и явною цѣлью въ чемъ нибудь убѣдить, къ чему нибудь склонить, отъ чего нибудь удержать; часто чѣмъ рѣшительнѣе какое либо утвержденіе дипломата, — а тѣмъ болѣе, какое нибудь порицаніе неуступчиваго противника, обвиненіе его въ непониманіи, въ неосмысленномъ упрямствѣ—тѣмъ съ бо́льшею осторожностью къ такому показанію надо относиться; иногда примирить противорѣчія различныхъ показаній оказывается положительно невозможнымъ. Но за то получаютъ особенную цѣну согласныя показанія, которыя мы можемъ иногда извлечь изъ совершенно различныхъ документовъ, относящихся къ какому нибудь событію, тѣмъ болѣе, если лица, сообщающія намъ объ этихъ событіяхъ или фактахъ, и не скрываютъ, что эти факты вызываютъ съ ихъ стороны совершенно различную оцѣнку. Если одинъ изъ участниковъ дипломатической переписки хвалитъ, а другой порицаетъ нѣкоторыя дѣйствія третьяго, если одинъ гово-

ритъ, что онъ старался чему либо противодѣйствовать, а другой— что онъ этому самому дѣлу оказывалъ поддержку, если, наконецъ, третій говоритъ самъ о томъ, какъ онъ именно дѣлалъ это, порицаемое однимъ и восхваляемое другимъ, дѣло, при чемъ въ объясненіи причинъ своего поступка расходится и съ тѣмъ и другимъ свидѣтелемъ, а выставляетъ свою собственную точку зрѣнія—то мы можемъ вполнѣ ясно и точно опредѣлить представляющееся намъ явленіе, его причины и значеніе.

Совершенно понятно также, что желая указать въ дипломатической перепискѣ петербургскаго кабинета тѣ начала, которыми онъ руководился съ первыхъ же лѣтъ Екатерининскаго царствованія, мы не можемъ ограничиться исключительно только документами, самыми близкими по времени къ воцаренію императрицы; изучаемая нами политическая система не сразу раскрылась, не сразу, конечно и создалась; она вырабатывалась и обнаруживалась постепенно, по мѣрѣ того, какъ возникали тѣ или другія обстоятельства, въ примѣненіи къ которымъ и раскрывались идеи, какими руководились Екатерина и Н. И. Панинъ, направлявшіе въ Петербургѣ всѣ дѣла; впрочемъ, для насъ достаточно будетъ документовъ всего первыхъ пяти-шести лѣтъ, такъ какъ въ это время русская политика приняла уже совершенно опредѣленное направленіе, а изъ переписки ближайшихъ слѣдующихъ годовъ мы возьмемъ всего лишь нѣсколько указаній, которыя особенно сильно и ясно выражаютъ именно то самое, что высказывалось уже и въ предшествовавшее время.

Свидѣтельствъ того, что съ началомъ Екатерининскаго царствованія измѣнилась политическая система русскаго правительства, у насъ не мало.

Прежде всего заговорилъ объ этомъ графъ Мерси д'Аржанто, австрійскій посланникъ, искусный дипломатъ, прославившійся впослѣдствіи во время французской революціи. Едва прошелъ мѣсяцъ съ воцаренія Екатерины, какъ онъ уже пишетъ, что среди вліятельнѣйшихъ при ней лицъ начинаютъ преобладать мнѣнія, или „политическіе софизмы“, какъ выражается онъ въ другой депешѣ, будто Россія, по положенію и внутреннему устройству своему, вовсе не нуждается въ союзахъ съ иностранными державами. Черезъ какія-нибудь три недѣли онъ снова жалуется на Н. И. Панина и графа Кейзерлинга, которые громко провозглашаютъ, что для русскаго двора совершенно безразлично, французамъ или англичанамъ достанется вестъ-индская торговля, и за кѣмъ останется Силезія, и что тратить русскія деньги

и русскую кровь на разрѣшеніе такого рода вопросовъ, значитъ пожертвовать собою безъ нужды и доставить пользу только чужимъ государствамъ, которыя впослѣдствіи сами не прочь будутъ сдѣлать Россіи вредъ. Гр. Мерси выражаетъ удивленіе, какъ такія „неосновательныя“ и „злобныя“ идеи получаютъ значеніе въ глазахъ „такой вообще дальновидной государыни“, какова русская императрица; но онъ не можетъ скрыть, что Панинъ и гр. Кейзерлингъ пользуются бо́льшимъ довѣріемъ ея, чѣмъ всѣ остальные министры. Еще черезъ два мѣсяца онъ сообщаетъ, что „надменныя“ мысли о томъ, будто Россія менѣе нуждается въ союзѣ съ Австріей, чѣмъ Австрія въ русскомъ союзѣ, „составляютъ основныя правила новой русской политики“ и на этотъ разъ онъ объясняетъ это тѣмъ, что „Ея Величество не обладаетъ въ государственныхъ дѣлахъ достаточнымъ разумѣніемъ, чтобы обсудить разницу между представляющимися ея государству хорошими и дурными послѣдствіями“ [1]). Гр. Мерси утѣшался въ своихъ безуспѣшныхъ попыткахъ вернуть Россію къ союзу съ Австріей бесѣдами съ бывшимъ канцлеромъ, гр. А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ. Этотъ блестящій умъ явно клонился къ упадку; годы, напряженные труды и печали брали свое. Въ свое время онъ первый изъ министровъ послѣ-петровской эпохи громко провозгласилъ, что Россія должна въ своей внѣшней политикѣ преслѣдовать свои собственные интересы, а не подчиняться слѣпо чужимъ вліяніямъ, и оказалъ Россіи громадныя услуги своею самостоятельною политикою [2]); теперь онъ былъ уже не въ силахъ примѣняться къ тѣмъ выводамъ, какіе дѣлали его достойные ученики и продолжатели изъ его же уроковъ и изъ примѣровъ его дѣятельности; онъ упрямо стоялъ за союзъ съ Австріей, съ помощью котораго онъ нѣкогда доставилъ Россіи бо́льшую самостоятельность, и не замѣчалъ, что новые руководители Россіи находятъ возможнымъ дѣйствовать уже совершенно самостоятельно, независимо и отъ Австріи. Впрочемъ, гр. Мерси даже и въ его рѣчахъ съ удивленіемъ и печалью замѣчалъ нѣкоторое вліяніе столь враждебныхъ ему идей Панина [3]). Бестужевъ не хотѣлъ примириться со второстепенною ролью при дворѣ; онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ попы-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 35, 44—46, 186, 375, 718 и др.

[2]) Прекрасная характеристика гр. А. П. Бестужева-Рюмина составляетъ едва ли не лучшую часть въ книгѣ *В. А. Бильбасова* „Исторія Екатерины II“, (т. I, 67—72).

[3]) *Сборникъ*, т. XLVI, 93, 109, 182—184, 578, 664.

токъ вернуть себѣ преобладающее значеніе: онъ и смѣло говорилъ противъ программы Панина, и старался устроить бракъ Екатерины и Г. Г. Орлова, и выхлопоталъ для фаворита отъ императора римскаго дипломъ на княжеское достоинство [1])—все напрасно; преобладающаго вліянія въ новомъ правительствѣ онъ не получилъ. Раздосадованный, онъ оставилъ, наконецъ, свои старанія и искалъ себѣ утѣшенія только въ перепискѣ съ гр. Мерси, переведеннымъ въ 1764 г. въ Варшаву, продолжая, конечно, высказывать свое неодобреніе тому, какой ходъ приняли дѣла; существованіе этой переписки сдѣлалось извѣстно императрицѣ; положеніе Бестужева стало очень неловко; онъ удалился въ свои деревни и тамъ черезъ полтора года умеръ [2]).

Гр. Мерси съ негодованіемъ говоритъ о намѣреніи Панина вести совершенно самостоятельную политику, не придерживаясь вовсе союза съ Австріей, союза, бывшаго для русской политики XVIII вѣка традиціоннымъ; и негодованіе его понятно: Австрія не могла не чувствовать, что она многаго лишалась, теряя союзъ съ Россіей. Въ другомъ положеніи находился посолъ Пруссіи; Россія уже давно была въ числѣ враговъ его отечества; совершенно неестественное направленіе, приданное на очень короткое время русской политикѣ Петромъ Ѳеодоровичемъ, не успѣло, конечно, пріучить прусскихъ дипломатовъ смотрѣть на Россію такъ, какъ имѣли нѣкоторое основаніе смотрѣть на нее дипломаты австрійскіе. И вотъ, гр. Сольмсъ видитъ стремленіе Россіи вести политику самостоятельную, ни мало этимъ не раздражаясь. Онъ совершенно спокойно сообщаетъ въ ноябрѣ 1763 г. о стремленіи русскаго министерства показать свѣту, что Россія можетъ слѣдовать своей собственной системѣ, согласованной съ ея интересами, не находясь въ зависимости отъ желаній какого-либо иностраннаго двора; въ августѣ 1766 г. онъ пишетъ Фридриху: „я сознаю, что тонъ, принимаемый русскимъ дворомъ по отношенію къ Польшѣ, представляется немного суровымъ и, по выраженію вашего величества, даже нѣсколько деспотическимъ; но мнѣ кажется, что тонъ этотъ есть естественное слѣдствіе сознанія своей собственной силы. Въ Россіи начинаютъ узнавать себѣ цѣну, чувствуя превосходство своихъ силъ надъ многими другими государствами Европы.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 419, 439, 496, 509—513, 536—539, 592, 601, 613; т. XXII, 75, 77.

[2]) 10-го апрѣля 1766 г.; онъ родился въ 1692 г.; *Сборникъ*, т. XII, 141; т. XXII, 9, 162, 222—223;—т. LI, 136, 283.

Но настоящая система здѣшняго двора отнюдь не корыстолюбива... Съ подобными чувствами, при поддержкѣ хорошей арміи и при солидномъ положеніи финансовъ, мнѣ не кажется, чтобы здѣсь опасались послѣдствій, какія могли бы произойдти въ случаѣ, если бы поляки стали искать покровительства австрійцевъ“ [1]). Передавая доходившія до него свѣдѣнія о переговорахъ съ Англіею относительно торговаго или даже союзнаго трактата, гр. Сольмсъ вполнѣ раздѣляетъ, повидимому, взгляды русскаго министерства, что Россія имѣетъ полное право преслѣдовать свои собственные интересы и устраивать свои дѣла на принципѣ независимости отъ вліянія другихъ великихъ державъ; записка русскаго министерства въ отвѣтъ англійскому, съ изложеніемъ такихъ взглядовъ, кажется графу Сольмсу „въ особенности замѣчательною по своей силѣ“; гр. Сольмсъ сообщаетъ слова Панина, что если бы даже ему и не удалось заключить договоръ съ Англіей на основаніи полнаго равенства, къ чему онъ стремится, то ему всегда будутъ признательны за то, что онъ сдѣлалъ такія усилія для поддержанія чести и славы своего народа [2]).

Въ теченіе 1762—1769 гг. перебывало въ Петербургѣ пять англійскихъ представителей; ихъ донесенія заключаютъ очень цѣнныя данныя для характеристики императрицы и Панина; общія же замѣчанія о русской внѣшней политикѣ въ нихъ встрѣчаются довольно рѣдко [3]); тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, какое производитъ переписка и англійскихъ дипломатовъ, довольно близко къ тому, какое мы выносимъ изъ переписки пословъ австрійскаго и прусскаго: они постоянно жалуются, что русскіе слишкомъ твердо стоятъ на своихъ требованіяхъ, хотя и направленныхъ, по словамъ русскихъ дипломатовъ, единственно къ тому, чтобы заключить договоръ на основаніи полной взаимности, но заключающихъ такія условія, на которыя согласиться англійское министерство не находило возможнымъ. На возраженія пословъ, что одно предложеніе несогласно съ выгодами Англіи и даже съ выгодами Россіи, Панинъ отвѣчалъ, что безъ принятія

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 171, 387, 471.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 425—428.

[3]) Можетъ быть оттого, что всѣ эти посланники имѣли спеціальную цѣль— заключить съ Россіей союзный и, особенно, торговый договоръ, такъ что почти исключительно этотъ вопросъ и трактуется въ ихъ донесеніяхъ, можетъ быть, благодаря тому, что англійское министерство съ особенною внимательностью отнеслось къ тому, чтобы обнародованы были лишь тѣ части донесеній пословъ, которыя имѣютъ чисто дѣловой характеръ.

его переговоры о соглашеніи продолжаться не могутъ; на попытку посла увѣрить, что предлагаемыя Англіею условія клонятся къ выгодѣ Россіи, онъ отвѣтилъ: „вы, конечно, лучшіе судьи въ вашихъ дѣлахъ; но надѣюсь, что вы и намъ позволите судить о нашихъ дѣлахъ“. Панинъ не разъ прямо высказывалъ англійскимъ дипломатамъ, что Россія не можетъ подчиняться зависимости отъ какой-либо иностранной державы; и англійскіе посланники должны были доносить своему министерству, что вести успѣшно переговоры въ Пѣтербургѣ очень трудно, потому что русскіе государственные дѣятели очень избалованы за первыя 5—6 лѣтъ новаго царствованія успѣхами въ политическихъ сношеніяхъ и отлично сознаютъ выгоду независимаго положенія, занятаго Россіею и имѣющаго слѣдствіемъ, что она „владычествуетъ во время глубокаго мира болѣе существенно, чѣмъ при самой успѣшной войнѣ“ [1]).

Вотъ слова представителей Австріи, Пруссіи и Англіи о направленіи, какое начала принимать русская политика со вступленія на престолъ Екатерины [2]). Они относятся къ этому направленію различно, различно оцѣниваютъ его, но они согласно указываютъ фактъ: всѣ они свидѣтельствуютъ, что русское министерство держало себя независимо и прямо выставляло, какъ цѣль своихъ дѣйствій—самостоятельность въ политикѣ. Посмотримъ теперь—сами русскіе дѣятели говорили ли въ своей перепискѣ о такихъ цѣляхъ, сознавали ли они сами то новое, что находили въ ихъ поступкахъ иностранные дипломаты, дѣйствительно ли они стремились придать русской политикѣ эту самостоятельность, или, быть можетъ, представители за-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 221, 259, 274 и др.

[2]) Совершенно въ томъ же духѣ говоритъ о настроеніи петербургскихъ высшихъ сферъ и саксонскій уполномоченный Сакенъ—см. *Herrmann*, Geschichte des Russischen Staates, V, 570—573, april 1765. Сакенъ замѣчаетъ, что Панинъ вполнѣ усвоилъ взгляды гр. Остермана (отца), ознакомившись съ ними по бумагамъ министерства; эти слова указываютъ, что въ кругахъ, гдѣ вращался Сакенъ, принятую русскимъ правительствомъ систему объясняли возвращеніемъ ея къ взглядамъ, господствовавшимъ въ Россіи въ первой трети XVIII вѣка—мы должны, конечно, имѣть въ виду тутъ Петра Великаго.—Донесенія французскихъ представителей еще не изданы; впрочемъ, съ 1762 г. по 1772 г. только въ теченіе двухъ съ небольшимъ лѣтъ были въ Петербургѣ французскіе послы—сначала баронъ Бретейль, затѣмъ маркизъ де-Боссетъ, 1765—1767; остальное время въ Петербургѣ были только повѣренные въ дѣлахъ—Беранже, Россиньоль, донесенія которыхъ не замѣчательны и часто неосновательны. Отрывки изъ нихъ у *Rambaud*, Récueil des Instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX. La Russie.

падноевропейскихъ державъ сами влагали эту объединяющую идею въ наблюдаемыя ими дѣйствія русскаго правительства?

Уже въ концѣ 1764 г. Н. И. Панинъ говорилъ гр. Сольмсу, что Россія желаетъ слѣдовать своей собственной политикѣ, а не быть въ зависимости отъ союза съ какимъ-либо иностраннымъ дворомъ; въ 1765 г. онъ поручалъ русскому министру въ Лондонѣ, Ѳ. И. Гроссу, дать понять англійскому министерству, что Россія не допуститъ въ договорѣ съ Англіею никакого условія, которое бы могло показать, будто бы „мы союзы европейскихъ державъ поставляемъ для себя нужнѣе, нежели сколько, по признанію нашему, нашъ собственный имъ нуженъ и полезенъ быть можетъ“ [1]). Панинъ требовалъ при переговорахъ непремѣнно полнаго равенства условій, и, какъ мы видѣли со словъ англійскихъ посланниковъ, требовалъ бо́льшаго, чѣмъ считали справедливымъ тѣ; на замѣчаніе же, что „націи англійской и парламенту дико покажется, когда въ новомъ трактатѣ Россіи бо́льшія предъ прежнимъ выгоды дозволены будутъ“, предписывалъ „дать замѣтить, что натурально и россійской имперіи дико покажется, если бы при такомъ о пользѣ и славѣ отечества попечительномъ царствованіи здѣшній дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими выгодами заключалъ союзы свои“ [2]); онъ говорилъ, что прежде заключенные Россіей съ другими державами трактаты не настолько выгодны, чтобы при возобновленіи ихъ довольствоваться просто прежними условіями [3]). Такое общее направленіе во внѣшней политикѣ стои́тъ въ полномъ согласіи съ заявленіями самыхъ первыхъ дней Екатерининскаго царствованія. Въ ноябрѣ 1763 г. австрійскій посолъ въ Берлинѣ говорилъ русскому послу при Фридрихѣ, кн. Долгорукову, что Россія какъ будто бы подчиняется прусскому вліянію, но что въ Вѣнѣ смотрятъ на это сближеніе совершенно спокойно, увѣренные въ добромъ расположеніи къ Австріи петербургскаго двора. Представляя это донесеніе кн. Долгорукова императрицѣ, Панинъ сдѣлалъ замѣтку, что кн. Кауницъ, очевидно, самъ „этому дѣлу въ существѣ вѣритъ“, „его боится и нашего содѣйствія хочетъ, и подъ видомъ надежды и успокоенія на нашу дружбу съ Берлиномъ насъ ею попрекаетъ и тѣмъ же ищетъ, чтобы мы нѣсколько болѣе раздѣлили съ нимъ то, чего онъ внутренно опасается“. Екатерина со своей стороны приписала: „все сіе не иное, какъ одна ревность, а

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 172; т. LVII, 383 и слѣд.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 167.

[3]) Тамъ же, 405.

время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся". Въ другой разъ она предписывала „дать почувствовать" австрійскому послу, который обращался съ разными разспросами по польскимъ дѣламъ, что русскому правительству „весьма странно кажется, что при всякомъ случаѣ насъ на допросъ ведутъ" [1]). Еще 1-го ноября 1762 г., на докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ по вопросу объ участіи Россіи въ мирныхъ переговорахъ между Пруссіею и Австріею, Екатерина написала между прочимъ: „какъ тѣ, такъ и другіе (дворы) еще привыкнуть не могутъ къ нашей инфлюенціи въ общихъ дѣлахъ и каждый ищетъ только пользоваться нами" [2]). Въ наставленіи гр. Кейзерлингу и кн. Н. В. Репнину 9-го ноября 1763 г., одобренномъ императрицею и отправленномъ за подписью одного только Панина, высказано, что Россіи такъ долго не удавалось получить со стороны Польши удовлетворенія за обиды русскимъ подданнымъ главнымъ образомъ потому, что король польскій какъ курфирстъ саксонскій участвовалъ въ тѣхъ же союзахъ, которыми связана была и Россія, и Россія нерѣдко поступалась своими интересами въ его пользу; новое правительство выражаетъ рѣшимость устранить на будущее время подобныя уступки [3]). Петербургское министерство видѣло неудовольствіе дворовъ версальскаго и вѣнскаг за то, что

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 124, 296.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 474.

[3]) „Мы не находимъ другихъ причинъ, для чего продолжающіяся толь чувствительныя обиды подданнымъ и границамъ нашимъ оставались столько лѣтъ безъ исправленія, кромѣ тѣхъ, которыя происходили отъ сопряженія дѣлъ политической системы нашей имперіи съ другими посторонними державами, между которыми находился бывшій король польскій, яко курфирстъ саксонскій. Какъ видно, наша политика тогда принуждена была раздѣлиться на два правила: между нашихъ собственныхъ и безпосредственныхъ дѣлъ съ польскою республикою и между особливыхъ интересовъ короля польскаго, соединяющаго въ своей персонѣ курфирста саксонскаго, относительныхъ до Польши и до его собственныхъ земель, которыя составили знатную часть той системы, и для того нужно было въ предпочтеніе имъ снисходить къ дѣламъ польскаго короля и ихъ подкрѣплять, свои же собственныя откладывать"; такой опытъ научаетъ насъ по словамъ наставленія, что „когда Польша меньше имѣетъ привязаннаго къ себѣ посторонняго интереса, тогда Россія можетъ свободнѣе свои въ ней (интересы) производить въ дѣйство"—*Сборникъ*, т. LI, 93—94. Въ переговорахъ съ англійскими посланниками Панинъ говорилъ такъ же, что въ прежнихъ договорахъ между Россіей и Англіей въ пользу послѣдней сдѣланы были многочисленныя уступки вслѣдствіе того, что тогда Англія была въ союзѣ съ Австріей, а въ Россіи тогда считали нужнымъ Австріи во всемъ уступать; онъ говорилъ, что теперь подобными соображеніями Россія руководствоваться не будетъ—*Сборникъ*, т. XII, 143—144, 416.

„мы систему зависимости нашей отъ нихъ вовсе перемѣнили и вмѣсто того установили другую, безпосредственнаго нашего собою въ дѣлахъ дѣйствованія“ и доказываемъ, что „Россія и независимо отъ другихъ державъ собою весьма дѣйствовать можетъ“ [1]). Оно видѣло негодованіе католическихъ державъ, что „мы затвердѣлому въ дѣлахъ австрійскому самовластію и волѣ слѣдовать не хотимъ и во взаимныхъ интересахъ нашихъ съ онымъ домомъ вѣдаемъ опредѣлять истинное равновѣсіе и всему настоящую цѣну“. Въ Петербургѣ понимали, что вѣнскій дворъ „не можетъ намъ простить, что система наша выведена изъ зависимости, въ которой онъ ее содержать обыкъ“, видѣли и стремленіе Франціи „уничтожить Россію въ ея новой и никогда не бывалой политической системѣ, въ независимости отъ постороннихъ ей интересовъ, и обратить ее въ прежнее неопредѣленное политическое положеніе, быть по временамъ наравнѣ съ другими втораго класса державами“ и старались всемѣрно поддержать свое дѣло въ Польшѣ противъ французскихъ интригъ, чтобы Франція не могла показать свѣту, будто „первое одною Россіею безпосредственно сооруженное дѣло не могло быть прочно и не могло устоять противъ ея коварства, за недостаткомъ внутреннихъ силъ Россіи“ [2]). Въ инструкціи князю М. Н. Волконскому, назначенному въ 1769 г. посломъ въ Варшаву, Панинъ совершенно ясно высказывается, что цѣль всей русской политики за послѣдніе годы состояла именно въ томъ, чтобы вести свои внѣшнія дѣла совершенно самостоятельно, направлять ихъ главнымъ образомъ въ интересахъ Россіи и съ чувствомъ удовлетворенія указываетъ, что благодаря этой политикѣ международное положеніе Россіи существенно улучшилось [3]). Панинъ не разъ говорилъ, что выступать только вслѣдъ за своими союзниками есть удѣлъ державъ второстепенныхъ; онъ сознавался, что недавно еще Россія, даже „при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ прусской войнѣ“, играла именно только второстепенную роль; но скоро, по его словамъ, „свѣтъ увидалъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ—и первенствующую“ [4]); черезъ 10

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 151, 162.

[2]) *Сборникъ*, т. LI, 317, 430; т. LXXXVII, 394—395, 516 и др.

[3]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 395.

[4]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXIX, изд. I, 74—75; *Сборникъ*, т. LXXXVII, 359, 462. И дѣйствительно, именно таковымъ вліяніе Россіи на сѣверѣ признавалъ съ неудовольствіемъ кн. Кауницъ въ 1770 г.—см. *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 307.

лѣтъ послѣ воцаренія Екатерины гр. Панинъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ, какихъ крупныхъ успѣховъ достигла Россія во внѣшней политикѣ, порвавши прежнюю, 35-тилѣтнюю связь свою съ Австріей [1]).

На основаніи всего вышеприведеннаго мы можемъ, кажется съ полнымъ основаніемъ сказать, что русское правительство постоянно и сознательно стремилось къ самостоятельности во внѣшней политикѣ.— Что же ставило оно себѣ цѣлью этой своей политики?

Въ перепискѣ своей съ представителями Россіи заграницей петербургское министерство постоянно высказываетъ совершенно прямо, что „всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ“ [2]). Русскому кандидату на польскій тронъ графъ Кейзерлингъ и князь Рѐпнинъ должны были внушать, что за оказываемую ему поддержку, за хлопоты и расходы русскаго правительства „требуетъ самая его честность и благодарность, чтобъ онъ наши справедливые интересы и притязанія взялъ искренно на сердце и насъ бы теперь точно обнадежилъ, что онъ по возвышеніи на престолъ стараться будетъ, дабы всѣ между нами и Польшею пограничныя дѣла по справедливости и къ нашему совершенному удовольствію окончились, какъ и во все время своего государствованія интересы нашей имперіи собственными своими почитать, ихъ остерегать и имъ всѣми силами по возможности поспѣшествовать будетъ, нелицемѣрною и непремѣнною сохранитъ къ намъ преданность и во всякомъ случаѣ наши справедливыя намѣренія подкрѣплять не отречется“ [3]). Черезъ шесть лѣтъ, въ инструкціи князю М. Н. Волконскому, который ѣхалъ въ Варшаву на смѣну Репнина, повторено, что при возведеніи Станислава Понятовскаго на престолъ имѣлось въ виду „способомъ и содѣйствіемъ его... пользоваться для устроенія нашихъ съ Польшею многообразныхъ дѣлъ“ [4])—а русское правительство требовало отъ Польши исправленія границъ, выдачи бѣглыхъ, удовлетворенія наслѣдниковъ лицъ, умершихъ въ Польшѣ, возстановленія диссидентовъ въ ихъ правахъ. Выгоды Россіи постоянно имѣли въ виду и постоянно ихъ преслѣдовали во внѣшней политикѣ Екатерина и ея ближайшій помощникъ, Н. И. Панинъ — и въ вопросахъ и объ отношеніяхъ къ Курляндіи и объ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXII, 59.
[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 304.
[3]) *Сборникъ*, т. LI, стр. 96—97.
[4]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 373.

отношеніяхъ къ Швеціи, и въ замѣнѣ союза австрійскаго прусскимъ, и въ проектѣ Сѣверной системы, и въ дѣлѣ диссидентовъ. Въ этомъ послѣднемъ руководители русской политики были очень далеки какъ отъ цѣли защищать православіе въ его угнетенномъ положеніи, такъ и отъ цѣли доставить торжество принципу вѣротерпимости: они имѣли въ виду составить себѣ въ Польшѣ партію изъ людей, всѣмъ обязанныхъ русской поддержкѣ, и ихъ вліяніемъ, ихъ голосами всегда, когда только это понадобится, направлять силы Польши сообразно съ видами Россіи [1]). Что Екатерина и Панинъ руководствовались заботами о дѣйствительныхъ, прямыхъ выгодахъ Россіи, а не преслѣдовали какія-то отвлеченныя идеи—это доказывается тѣмъ, что русскимъ представителямъ заграницей очень часто предписывалось объяснять дѣйствія Россіи совершенно не тѣми побужденіями и цѣлями, какими руководствовалось русское правительство и какія были сообщаемы въ наставленіяхъ, предназначенныхъ только для посланниковъ. Предъ иностранными правительствами Панинъ объяснялъ свои дѣйствія обязанностью для Россіи соблюдать трактаты, которыми она гарантировала неприкосновенность польскаго и шведскаго государственнаго устройства, стремленіемъ защитить блестящія черты вольности, такъ ярко выраженныя въ польскомъ устройствѣ, желаніемъ противодѣйствовать фанатизму католическаго духовенства, позорящему тотъ просвѣщенный вѣкъ и т. д.; въ Петербургѣ онъ говорилъ посламъ—и иногда, кажется, успѣвалъ ихъ въ этомъ увѣрить,—что Россія хочетъ усилиться главнымъ образомъ

---

[1]) Во всей своей дипломатической перепискѣ Панинъ разсматриваетъ вопросъ о диссидентахъ исключительно съ политической точки зрѣнія; всего лучше это можно видѣть въ депешѣ его Репнину отъ 14-го августа 1767 г. „Главное правило, говоритъ тутъ Панинъ, которое какъ сначала было, такъ и теперь есть, да и впредь должно быть непремѣннымъ руководствомъ всѣхъ нашихъ намѣреній и подвиговъ—чтобы совершить диссидентское дѣло не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ онымъ черезъ посредство нашихъ единовѣрныхъ и протестантовъ единожды навсегда твердой и надежной партіи, съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ“, при чемъ по мысли Панина диссиденты всегда, какъ слабѣйшая часть, должны получать поддержку именно отъ Россіи. Панинъ не скрываетъ, что онъ находитъ опаснымъ излишнее распространеніе правъ диссидентовъ и достиженіе для нихъ слишкомъ многихъ правъ и выгодъ, такъ чтобы они не нуждались болѣе въ помощи Россіи и могли бы своими собственными силами совершенно хорошо устраиваться, потому что это повлекло бы непремѣнно значительное усиленіе побѣговъ въ Польшу.—*Сборникъ*, т. LXVII, 409—410.

для того, чтобъ быть полезною своимъ друзьямъ, и что прославиться она хочетъ только тою пользою, какую она принесетъ имъ [1]) и т. д. Но съ тѣми же курьерами, которые везли подобныя инструкціи для объявленія ихъ въ слухъ, изъ Петербурга секретными наставленіями разъясняли посламъ, что истинныя цѣли русскаго правительства—добиться вотъ того-то и того-то, прямо выгоднаго для Россіи. Среди дипломатовъ XVIII вѣка, постоянно прибѣгавшихъ къ коварству и обманамъ довольно безцеремоннымъ, дипломаты русскіе вовсе не были такими простодушными, или даже прямо простаками, какими ихъ иногда представляютъ, принимая то, что они говорили предъ иностранными дипломатами, за выраженіе ихъ дѣйствительныхъ плановъ и взглядовъ; русскіе дипломаты хитрили не менѣе всѣхъ другихъ, съ которыми приходилось имъ вести дѣло. Не станемъ вдаваться въ разсужденія о коварствѣ такихъ пріемовъ; различіе министеріальной и частной переписки берлинскаго кабинета съ его представителями въ лучшемъ случаѣ не меньше, чѣмъ различіе въ русской перепискѣ; французское министерство въ то время, когда Франція состояла въ союзѣ съ Россіей, старалось вредить этой самой своей союзницѣ; австрійскій представитель въ Константинополѣ, когда увидѣлъ, что русское правительство не возобновляетъ прежнихъ отношеній къ вѣнскому, сообщилъ Портѣ, черезъ кого Обрѣзковъ получаетъ разныя секретныя свѣдѣнія и кто вообще съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ, о чемъ ему самому было извѣстно по прежнимъ отношеніямъ Россіи и Австріи [2]). Признáемъ за дипломатами XVIII вѣка право дѣйствовать тѣмъ оружіемъ, которымъ они всѣ были вооружены; равенство оружія—принципъ правильной борьбы; по меньшей мѣрѣ равнымъ, если ужъ не сильнѣйшимъ, оружіемъ долженъ вооружить себя тотъ, кто защищаетъ не себя только, а и другихъ; было бы преступно, если бы тѣ, кому ввѣрено было соблюдать интересы милліоновъ простыхъ русскихъ людей отъ многихъ, почти постоянно безцеремонныхъ посторонннихъ притязаній, если бы тѣ не позаботились быть съ оружіемъ по меньшей мѣрѣ равнымъ тому, съ какимъ на нихъ нападали. Дипломаты екатерининскаго времени не

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 718; т. XXII, 471—донесенія Сольмса: „Панинъ ничего не ищетъ, ничѣмъ другимъ прославиться не хочетъ, какъ только пользою, которую онъ можетъ принести своимъ друзьямъ“.

[2]) *Сборникъ*, т. LVII, 272—273; см. вообще *Сорель*, Европа и французская революція, I, 16—24.

совершили этого преступленія; хитростямъ они противоставляли хитрости, тайные ковы разстраивали интригами, гдѣ было можно—дѣйствовали подкупами; своекорыстной политикѣ своихъ соперницъ и даже своихъ союзницъ они противоставляли столь же исключительное преслѣдованіе только выгодъ Россіи. Постоянная и преимущественная забота о выгодахъ Россіи составляетъ характерную черту правленія Екатерины почти во все его продолженіе. Въ первые дни своего царствованія она сказала: „Мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ“ [1]), она неоднократно выражала признаніе за собою обязанностей заботиться прежде всего о выгодахъ Россіи и въ манифестахъ и въ разговорахъ съ иностранными послами; подобныя же идеи внушалъ и Панинъ своему воспитаннику, наслѣднику престола [2]). Если не всегда эти выгоды были вѣрно поняты, если иногда даже и отъ понятаго были допущены нѣкоторыя уклоненія—много значило уже и то, что снова, какъ было при Петрѣ Великомъ, былъ громко заявляемъ такой принципъ, на мѣсто, конечно, болѣе соблазнительнаго: „L'etat—c'est moi!“.

Стремленіемъ пріобрѣсти выгоды для Россіи объясняется и пресловутая „сѣверная система“, проектъ которой относится также къ первымъ годамъ царствованія Екатерины и управленія дѣлами Панина. Нѣкоторые думаютъ, что мысль о необходимости этой „системы“ была внушена Панину существованіемъ на югѣ Европы союза державъ католическихъ—Франціи, Австріи и Испаніи, и въ этомъ проектѣ видятъ яркое доказательство „того доктринерства въ политикѣ, котораго придерживался графъ Панинъ и которое совершенно не выдерживало критики передъ практическимъ и глубокимъ умомъ“ [3]). Но такой приговоръ надъ „сѣверною системою“ совершенно невѣренъ; онъ не можетъ не возбуждать подозрѣнія въ своей справедли-

---

[1]) Въ манифестѣ 6-го іюля 1762 г.—„*Восемнадцатый вѣкъ*“, IV, 222.

[2]) Въ запискѣ, поданной имъ въ 1760 г. о воспитаніи великаго князя, высказывается между прочимъ мысль, которую часто повторяла впослѣдствіи и Екатерина: „добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, ниже истинныя славы раздѣленными отъ пользы и благосостоянія ему Божескимъ произволеніемъ ввѣренныхъ народовъ“—*Русская Старина*, 1882, т. XXXVI, 314. Какъ ни проста и естественна, повидимому, эта мысль, но извѣстно, что нерѣдко ее забывали.

[3]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, VI, 39.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

вости хотя бы по одному тому, что до сихъ поръ свѣдѣнія наши объ этомъ планѣ Панина были еще слишкомъ недостаточны: донесенія Сальдерна изъ Берлина о его разговорахъ по этому поводу съ Фридрихомъ въ 1766 году [1]) были главнымъ источникомъ, откуда эти свѣдѣнія почерпались. По этимъ донесеніямъ идея „сѣверной системы“, дѣйствительно, представляется нѣсколько странною [2]); но все, извѣстное намъ изъ политической переписки Панина, мнѣ кажется, налагаетъ на насъ прямо обязанность искать въ его предпріятіяхъ болѣе разумныхъ причинъ, болѣе серьезныхъ основаній, чѣмъ мысль, что необходимо устроить союзъ на сѣверѣ Европы, разъ существуетъ союзъ на югѣ ея. Въ донесеніяхъ Сальдерна „сѣверная система“ является предъ нами чѣмъ-то очень несостоятельнымъ, слабымъ потому, что Сальдернъ принялъ на себя задачу, совершенно невыполнимую: убѣдить Фридриха, что эта система полезна для Пруссіи, тогда какъ по планамъ Панина система эта должна была быть прежде всего и болѣе всего полезна для Россіи; понятно, что доказательства Сальдерна въ пользу его мнѣнія являлись недостаточными. Неблагопріятное впечатлѣніе, производимое этимъ проектомъ, усиливалось еще оттого, что до сихъ поръ обращали вниманіе только на возраженія Фридриха, возраженія, высказанныя имъ съ его обычною самоувѣренностью, и Сальдерномъ, дѣйствительно, не опровергнутыя. Но напечатаны давно и отвѣты Панина на разсужденія Фридриха о разныхъ державахъ, какъ возможныхъ членахъ союза [3]). Отвѣты эти во всякомъ случаѣ не слабѣе возраженій Фридриха и нельзя не признать, что для дальнѣйшихъ дѣйствій въ политикѣ можно было съ совершенно одинаковымъ основаніемъ принять за исходную точку какъ соображенія Фридриха, такъ и соображенія Панина. Планы Панина въ его собственномъ изложеніи не казались странными и обыкновенно убѣждали его собесѣдниковъ [4]). Теперь можемъ и мы видѣть по подлиннымъ бумагамъ Панина, какъ представлялъ онъ

---

[1]) *Мартенсъ*, VI, 40—43; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXVII, 198—207.

[2]) Сальдернъ не успѣлъ въ порученіи, принятомъ имъ на себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на Фридриха, который чрезвычайно рѣзко отзывается объ этомъ его посѣщеніи въ своихъ „Мемуарахъ“— Oeuvres, VI, 15.

[3]) *Сборникъ*, т. XXII, 439—444. Странно, что проф. Мартенсъ, излагая бесѣду Сальдерна съ Фридрихомъ въ VI томѣ своего „Собранія трактатовъ“, вышедшемъ въ 1883 году, ничего не упоминаетъ объ этихъ отвѣтахъ, хотя 22 томъ *Сборника*, гдѣ они напечатаны, вышелъ еще въ 1878 году.

[4]) *Сборникъ*, томъ XXII, 168, 220, 281.

себѣ самъ эту преславную систему, чего хотѣлъ ею достигнуть и какъ хотѣлъ ее осуществить.

Мысль о необходимости обезопасить себя союзами въ виду возможности агрессивныхъ предпріятій трехъ католическихъ державъ, связанныхъ между собою договорами—и семейнымъ, и политическимъ—возникала и въ Англіи, и въ Пруссіи. Фридрихъ настойчиво добивался союза съ Россіей именно изъ опасенія, какъ бы Австрія, опираясь на Францію, снова не поднялась на него. Въ 1766 году англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ представителю Англіи въ Петербургѣ. подъ строжайшимъ секретомъ, что „Его Величество давно уже искалъ составить на сѣверѣ союзъ, достаточно сильный для того, чтобы имѣть противовѣсъ опаснымъ замысламъ южныхъ державъ; главныя препятствія къ выполненію этого плана возникали при Петербургскомъ дворѣ.... въ настойчивости на статьѣ о турецкомъ casus foederis“ [1]). Панинъ пришелъ къ мысли о сѣверной системѣ мало по малу. Первоначально, въ февралѣ 1764 года, предложилъ соединить въ одинъ союзъ всѣ сѣверныя державы русскій посолъ въ Копенгагенѣ, баронъ І. А. Корфъ [1]); Панинъ заговорилъ о ней съ Сольмсомъ въ апрѣлѣ 1764 года, когда уже заключенъ былъ союзъ съ Пруссіей и съ польскимъ сеймомъ, достигнуты значительные успѣхи на шведскомъ сеймѣ, приходили къ концу переговоры о союзѣ съ Даніей, Англія настойчиво предлагала свой союзъ. Среди всѣхъ этихъ переговоровъ Панинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ тому, чтобы установленное уже у Россіи съ тремя державами соглашеніе распространить и на другія менѣе значительныя сѣверныя государства.

По современнымъ документамъ, говорящимъ намъ о сѣверной системѣ и исходящимъ преимущественно изъ канцеляріи Панина, мы видимъ, что Панинъ хотѣлъ путемъ переговоровъ достигнуть между сѣверными державами полнаго соглашенія объ ихъ интересахъ и устранить изъ Швеціи и Даніи давно уже утвердившееся тамъ вліяніе Франціи; Франція привязывала къ себѣ эти государства уплатою щедрыхъ субсидій, еще болѣе щедрыми обѣщаніями, а равнымъ образомъ и угрозами не заплатить вовсе не выплаченныхъ еще за нѣкоторые годы субсидій, если Швеція и Данія откажутся слѣдовать политикѣ Франціи. Панинъ хотѣлъ, заключая съ Англіей союзъ и торговый договоръ, склонить ее къ принятію на себя уплаты этихъ

---

[1]) См. также, *Улянщкій*, Дарданеллы, Босфоръ и Черное море, 307.
[2]) *Соловьевъ*, т. XXVI, 110.

субсидій Швеціи; кромѣ того, участіе Англіи въ этомъ дѣлѣ нужно было ему еще и потому, что онъ отлично видѣлъ—и не разъ прямо это высказывалъ,—что Россія въ Швеціи не можетъ пріобрѣсти себѣ довѣріе никакой значительной партіи, не можетъ непосредственно съ Швеціей сговориться, въ силу взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ съ начала XVIII вѣка, и что на соглашеніе съ Англіею охотно пойдутъ многіе, которые и слышать не захотятъ о соглашеніи съ Россіей. Онъ и желалъ дѣйствовать тутъ черезъ Англію, надѣясь, что, договариваясь съ Англіей, шведы легче откажутся отъ союза съ Франціей, чѣмъ договариваясь непосредственно съ Россіей. Панинъ хотѣлъ добиться относительно Швеціи того, чего онъ хотѣлъ избѣжать для Россіи: онъ отказывался возобновить договоръ съ Англіею на прежнихъ основаніяхъ, говоря, что въ томъ договорѣ Россія сдѣлала разныя уступки въ пользу Англіи потому, что тогда у нихъ былъ общій союзникъ, Австрія,— теперь онъ желалъ, чтобы Швеція сдѣлала уступки Россіи потому, что между ними будетъ общій союзникъ, Англія. Однажды, подъ величайшимъ секретомъ, Панинъ поручалъ русскому послу въ Швеціи, графу И. А. Остерману, испробовать, не удастся-ли склопить Швецію хотя бы къ тому, чтобы ея обязательства къ Франціи были ограничены помощью Франціи кораблями, а не сухопутными войсками,—это дѣлало бы союзъ Швеціи съ Франціей болѣе опаснымъ для Англіи, чѣмъ для Россіи. Для Россіи же устранить вліяніе Франціи изъ Швеціи было очень важно, потому что безъ французскихъ субсидій Швеціи Россія оставалась бы совершенно спокойною на сѣверѣ и пріобрѣтала значительно больше свободы на югѣ и западѣ. Несомнѣнно, что всего болѣе отъ такой перемѣны въ зависимости шведской политики выигрывала Россія; конечно, не англійскимъ представителямъ, а русскимъ, Панинъ прямо и открывалъ, что его цѣль—чтобы степень вліянія Англіи на сѣверѣ была поставлена въ зависимость отъ болѣе или менѣе искренняго соединенія ея съ Россіею; и совершенно естественно, что Панину не удалось склонить Англію къ такой энергичной борьбѣ съ французскою партіей въ Швеціи, какой ему хотѣлось бы, какъ ни старался онъ убѣдить Англію, что ей вообще выгодно одержать успѣхъ надъ Франціей, гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, Англія все-таки давала деньги на борьбу въ Швеціи съ французскимъ вліяніемъ, давала и Данія.

Въ переговорахъ Сальдерна съ Фридрихомъ много разъ встрѣчается выраженіе „державы активныя“, „державы пассивныя“. Фридрихъ говорилъ, что онъ не понимаетъ значенія этихъ терминовъ и Саль-

дерну такъ и не удалось разъяснить ему ихъ. Но изъ переписки Панина значеніе ихъ совершенно ясно. Къ числу державъ „активныхъ“ Панинъ относилъ Россію, Пруссію, Англію и отчасти Данію; къ числу „пассивныхъ“—Польшу, Швецію и всѣ другія государства, которыя удалось бы привлечь къ союзу. Со стороны этихъ, пассивныхъ, державъ Панинъ предполагалъ довольствоваться лишь тѣмъ, что онѣ будутъ оставаться въ покоѣ, не бросятся на кого-либо изъ сосѣдей, потому что Франція дастъ имъ за это денегъ; предполагалось связать ихъ съ главными государствами союза такъ, чтобы имъ выгоднѣе было остаться въ бездѣйствіи, чѣмъ рисковать, рѣшаясь на какую-нибудь активную роль. Активными державами Панинъ называлъ тѣ, которыя могли рѣшиться вступить въ прямую, открытую борьбу съ державами южнаго союза, тѣ, которыя, имѣли споры съ державами католическими и которыя, по его мысли, имѣли силу и право добиваться удовлетворенія своихъ интересовъ. Не говоря, конечно, этого иностраннымъ дипломатамъ, Панинъ разсчитывалъ—что онъ и высказалъ въ письмѣ къ одному русскому дипломату — „поставить Россію способомъ общаго сѣвернаго союза на такой степени, чтобы она, какъ въ общихъ дѣлахъ знатную часть руководства имѣла, такъ, особливо, въ сѣверѣ тишину и покой ненарушимо сохранять могла“. Во всемъ этомъ трудно видѣть какое-либо доктринерство; мы видимъ стремленіе къ совершенно опредѣленнымъ практическимъ выгодамъ для Россіи, причемъ, если представлялось какое-либо столкновеніе выгодъ какого-либо другаго государства съ выгодами Россіи, то на первомъ планѣ у Панина, какъ и всегда стояли, конечно, интересы Россіи.

Какъ проектъ „сѣверной системы“ возникъ при обстоятельствахъ дѣлавшихъ совершенно возможною такую мысль, такъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, совершенно спокойно былъ онъ и оставленъ. Когда на югѣ вспыхнула у Россіи война съ Турціей, а въ Швеціи снова одержала полный перевѣсъ партія французская, стало ясно, что эти обстоятельства не благопріятствуютъ довольно сложнымъ переговорамъ, имѣвшимъ цѣлью установить на сѣверѣ соглашеніе и поддерживать миръ въ Европѣ; и Панинъ сразу же прекратилъ всякіе переговоры о „сѣверной системѣ“ и она совершенно не упоминается больше въ политическихъ его комбинаціяхъ [1]). Несомнѣнно,

---

[1]) Важнѣйшія мѣста въ дипломатической перепискѣ о „сѣверной системѣ“ см. *Сборникъ*, т. LVII, 10, 57, 62—64, 91—93, 110, 117, 121, 131, 200, 207,

что союзъ державъ на сѣверѣ былъ, въ глазахъ Панина, только средствомъ въ рукахъ русской политики, а никакъ не ея цѣлью; онъ обсуждалъ его, думалъ его осуществить, пока обстоятельства дѣлали весьма вѣроятнымъ, что Россіи удастся воспользоваться этимъ союзомъ для ея выгодъ; но какъ только исчезла вѣроятность легкаго осуществленія этого союза—Панинъ не считаетъ нужнымъ сдѣлать ни одного шага, чтобы этого союза дебиться, и легкость, съ какою онъ отказался отъ этой мысли, представляетъ еще одно доказательство того, что онъ видѣлъ въ этой сѣверной системѣ не цѣль, а средство, орудіе, которымъ не лишнее владѣть, но особенно добиваться котораго вовсе не стóитъ.

II.

Свою самостоятельную политику Панинъ велъ не безъ противодѣйствія сосѣднихъ державъ.

Мы видѣли слова Панина о неудовольствіи католическихъ державъ за принятую Россіею политику; онъ, вѣроятно, точно зналъ о ихъ чувствахъ, а если не зналъ, то догадывался; и догадка его была вполнѣ основательна. Князь Кауницъ, дѣйствительно, долго лелѣялъ надежду вернуть Россію къ австрійскому союзу [1]) и находилъ принятое Россіею направленіе несоотвѣтствующимъ интересамъ Австріи, конечно, хотя онъ говорилъ объ интересахъ Россіи; но если онъ такъ много объ этомъ старался, то очень позволительно сомнѣваться, чтобы онъ имѣлъ въ виду интересы Россіи; съ тѣмъ, что Россія дѣйствуетъ во вредъ себѣ, онъ, вѣроятно, примирился бы скорѣе. Однако Россія оставалась вѣрна принятому пути по крайней мѣрѣ до 1780 года, то-есть, до того времени, когда вліяніе Панина начало ослабѣвать—и вслѣдствіи того, что съ годами ослабѣло его здоровье, и вслѣдствіе того, что у престола явились новые люди,—Потемкинъ, Безбородко—тоже талантливые, но сверхъ того лучше умѣвшіе, да и болѣе желавшіе примѣняться къ настроенію и желаніямъ императрицы, какою она стала послѣ 20-ти лѣтъ царствованія, наполненнаго успѣ-

---

209, 267, 306, 307, 369, 397, 421, 422, 436; т. LXVII, 25, 72, 133, 327, 516; т. LXXXVII, 81, 178; т. XII, 188, 267, 273, 274, 284, 285, 294, 373—380, 382, 415, 417, 444; т. XXII, 168, 220, 221, 241—246, 281, 317, 331, 430, 439—444; т. XXXVII, 126; *Соловьевъ*, т. XXVI, 110; т. XXVIII, 81, 83, 91.

[1]) *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 13 и др.

хами и славой. Только тогда послѣдовало сближеніе съ Австріей, но и то еще вопросъ, былъ ли союзъ съ Австріей слѣдствіемъ настоянній вѣнскаго правительства, или въ Петербургѣ рѣшили перемѣнить союзника, потому что новой цѣлью русской политики стала Турція; а это было вызвано тѣмъ, что исчезла надежда на скорое рѣшеніе польскаго вопроса, такъ какъ въ него вмѣшивалась Турція, которую легко поднимала всякая держава, желавшая создать затрудненія для Россіи. Кромѣ того, едва ли осталось безъ вліянія и поведеніе Фридриха: въ моментъ, когда ему казалось положеніе Россіи особенно затруднительнымъ, онъ собрался сдѣлать особенно сильныя попытки включить въ свою часть отъ Польши и Данцигъ; онъ подѣлился съ братомъ Генрихомъ надеждами, что ему удастся эта попытка [1]); но она не удалась и, вѣроятно, не была забыта. Что касается Франціи, то недоброжелательство къ Россіи правительства Людовика XV есть несомнѣнный фактъ. Въ то самое время, когда являлась надежда, что Россія снова вступитъ въ союзъ съ Австріей и Франціей, Людовикъ XV писалъ своему послу въ Россію: „вы знаете, что единственный предметъ моей политики по отношенію къ Россіи—это удалять ее насколько возможно отъ европейскихъ дѣлъ [2])“. По вопросу объ отношеніяхъ къ Россіи секретная политика самого короля находилась въ полнѣйшемъ согласіи съ политикою французскаго министерства. Въ 1768 году Шуазель писалъ французскому резиденту въ Данцигѣ: „въ настоящихъ обстоятельствахъ самый главный предметъ — это дѣлать всевозможное зло русскимъ, не стѣсняясь какими-либо временными неудобствами, могущими отъ этого произойдти. Эта политика составляетъ часть великихъ видовъ, входящихъ въ настоящую систему короля“ [3]). Со стороны французскаго министерства это не были только фразы; оно, дѣйствительно, не упускало случая создавать Россіи непріятности всюду, гдѣ только могло: оно затѣвало столкновенія по дѣламъ церемоніальнымъ и въ Петербургѣ, и при другихъ дворахъ съ русскими представителями [4]), съ еще большимъ стараніемъ противодѣйствовало оно серьезнымъ

---

[1]) Oeuvres de Frédéric le Grand, v. XXVI, 355, октябрь 1771.

[2]) *Rambaud*, Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, IX, 213, депеша 10 сентября 1762 г., см. еще 215—216, 230, 275 и др.

[3]) *Соловьевъ*, т. XXVIII, 87—88.

[4]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 459, 465—467, 496; см. также *Безобразовъ*, О сношеніяхъ Россіи съ Франціей, 266—299.—Какъ странно писать такія слова о Франціи теперь!

начинаніямъ Россіи въ Польшѣ, въ Швеціи; оно, наконецъ, болѣе всего содѣйствовало нарушенію турками мира. Но русское министерство не смущалось всѣми этими препятствіями и твердо держалось той самостоятельной политики, о которой согласно свидѣтельствуютъ намъ и иностранцы—очевидцы событій и русскіе дѣятели. Имѣя указаніе на такое направленіе русской политики и отъ лицъ, ему сочувствовавшихъ, и отъ лицъ, ему несочувствовавшихъ, и отъ самихъ русскихъ дѣятелей, видя, наконецъ, какія преодолѣвали они препятствія на этомъ пути, мы должны признать за несомнѣнный фактъ, что русскіе дѣятели того времени почитали своимъ долгомъ преслѣдовать преимущественно, почти исключительно, интересы и выгоды Россіи. Конечно, это не устраняетъ вопросовъ — вѣрно ли они эти интересы понимали, насколько успѣли въ своихъ стремленіяхъ имъ служить и ихъ удовлетворять, насколько сумѣли они, наконецъ, сохранить ту самостоятельность, которую хотѣли сохранить, не обошли ли ихъ союзники и не заставили ли ихъ силами Россіи служить, не сознавая этого, соперникамъ и недругамъ Россіи, — на эти вопросы основательный отвѣтъ можетъ дать только основательное изученіе исторіи Россіи за время Екатерины; но во всякомъ случаѣ невозможно говорить о сознательномъ подчиненіи петербургскаго министерства какимъ-либо чужимъ интересамъ и объ искренней готовности его слѣдовать указаніямъ и внушеніямъ другихъ правительствъ.

Между тѣмъ, очень распространено мнѣніе, что въ Петербургѣ безусловно господствовало прусское вліяніе и что Екатерина и Панинъ очень часто поддавались внушеніямъ Фридриха II [1]). Разсмотрѣніе источниковъ, откуда это мнѣніе пошло и ознакомленіе съ нѣкоторыми, сюда относящимся, документами русской дипломатической переписки, дастъ намъ возможность уяснить себѣ вопросъ объ этомъ.

Прежде всѣхъ прямо приписалъ себѣ руководящую роль въ переговорахъ, общихъ у него съ петербургскимъ дворомъ, самъ Фридрихъ II. Въ описаніи однихъ событій онъ говоритъ, что онъ „ухватилъ обстоятельства за волосы и неутомимо переговариваясь и интригуя“ довелъ дѣло до желаннаго ему конца; по другому случаю онъ разказываетъ, что только онъ постоянно предупреждалъ Панина

---

[1]) Не говоря уже о статьѣ кн. Вяземскаго, *Смитъ*, въ своемъ трудѣ „Суворовъ и паденіе Польши“, *Hermann*, въ своей „Geschichte des russischen Staates“, *Kurd von Schlözer*, въ сочиненіи „Friedrich der Grosse und Katharina II“, наконецъ *Соловьевъ* и другіе говорятъ о сильномъ вліяніи въ Петербургѣ Фридриха.

о разныхъ хитростяхъ Кауница и что „безъ внимательнаго присмотра“ его, Фридриха, „князь Кауницъ игралъ бы Панинымъ, какъ мячикомъ“ [1]). На первый взглядъ свидѣтельство Фридриха имѣетъ всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы ему вѣритъ [2]). Но это лишь на первый взглядъ. Мы уже замѣчали выше, что показанія Фридриха вовсе не отличаются особенною точностію. Если прослѣдить его дѣйствія по современной имъ перепискѣ его съ гр. Сольмсомъ, то они представятся намъ далеко не такъ проникнутыми одною, ясно сознанною идеею, далеко не такъ спокойно и прямо направленными къ одной цѣли, какъ изображаетъ ихъ самъ король прусскій; ко времени написанія Histoire de mon temps изъ памяти короля несомнѣнно исчезли многія, нерѣдко очень существенныя, частности. Къ тому же, несомнѣнно, что Фридрихъ II въ очень сильной степени страдалъ тѣмъ недостаткомъ, которому болѣе или менѣе подвержены всѣ люди, всегда высоко стоявшіе и не привыкшіе видѣть рядомъ съ собою равноправныхъ мнѣній: не встрѣчая возраженій очень часто лишь потому, что по ихъ положенію спорить съ ними неудобно, они мало по малу начинаютъ думать, что на ихъ слова и не существуетъ возраженій и наконецъ начинаютъ считать мнѣнія и домыслы столь же несомнѣнными, какъ доказанныя истины; только исключительно высокія качества ума или сердца предохраняютъ отъ такого заблужденія. Наконецъ, не очевидно ли, что утвержденіе одного лица, хотя бы даже и короля прусскаго, будто онъ пользовался большимъ вліяніемъ надъ кѣмъ-либо и руководилъ его дѣятельностью, есть одно изъ самыхъ слабыхъ доказательствъ подобнаго вліянія? Въ виду всего этого мы должны, кажется, признать, что и въ настоящемъ случаѣ утвержденіе Фридриха вовсе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія.

Но въ подтвержденіе словъ Фридриха указываютъ на слова дру-

---

[1]) Oeuvres, VI, 12, 165.

[2]) Безусловно довѣряетъ Фридриху кн. *П. Вяземскій*, который въ своей статьѣ „Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г.“ („*Восемнадцатый вѣкъ*“, II, 163—256) и старается изобразить событія эпохи согласно съ разказомъ короля. Хотя въ то время, когда писана статья кн. Вяземскаго, оставались еще совершенно неизвѣстны многіе документы изъ переписки Панина, совершенно опровергающіе многія показанія Фридриха, но все-таки нельзя не удивляться, какъ это кн. Вяземскій вполнѣ довѣряетъ разказу того человѣка, который, только что заявивши, что „онъ никогда никого не обманывалъ“, немедленно же приступаетъ къ изложенію, какъ онъ „неутомимо интриговалъ“, и какъ не является подозрѣніе, нѣтъ ли у него обмана и въ разказѣ о его обманахъ.

гого современника и близкаго участника событій, гр. Мерси: онъ въ своихъ донесеніяхъ, въ теченіе всего 1763 г., постоянно сообщаетъ въ Вѣну, что въ Петербургѣ совершенно увлечены прусскимъ королемъ, что вліяніе его тамъ безусловно преобладаетъ и т. д. [1]). Но вотъ что говоритъ по этому же поводу тоже современникъ, стоявшій совершенно въ такомъ же отношеніи къ петербургскому кабинету и къ Пруссіи, англійскій посолъ Макартней: въ 1766 г. онъ досадуетъ, что Россія „относится презрительно къ прочимъ дворамъ“ какъ первое доказательство самовластія, какое позволяетъ себѣ русскій дворъ въ сношеніяхъ съ другими державами указываетъ его поведеніе относительно короля прусскаго: Россія, пишетъ онъ, „принудила его ратификовать статью относительно Турціи, хотя всѣмъ извѣстно, что это было совершенно несогласно съ его желаніемъ и противорѣчило его интересамъ“ [2]). Разъ по вопросу такого рода, какъ насъ теперь занимающій, существуютъ такія діаметрально противоположныя показанія, показанія эти очевидно, теряютъ цѣну: ими доказывать или опровергать что-либо невозможно. Въ приведенномъ нами случаѣ съ особенною ясностью видно, какъ подъ вліяніемъ неудачъ участники переговоровъ начинаютъ—и быть можетъ вполнѣ искренно—видѣть нѣкоторые факты въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ и въ то же время рѣшительно и чрезвычайно авторитетнымъ тономъ указываютъ объясненія ихъ, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ ошибочныя. Графу Мерси не удавались переговоры, Россія была въ мирѣ съ врагомъ Австріи,—очевидно, заключаетъ онъ. Россія подчиняется вліянію этого врага; серу Макартнею неудавались переговоры, Россія требовала, чтобы Англія приняла на себя такія же обязательства, какими связана была съ Россіей Пруссія — очевидно, заключаетъ онъ, Пруссію Россія заставила признать эту статью, только для Россіи выгодную. И къ такимъ авторитетнымъ, и въ то же время ошибочнымъ, утвержденіямъ дипломаты прибѣгали тѣмъ легче и тѣмъ охотнѣе, что утвержденія эти, заключая не искаженіе очевиднаго факта, а невѣрное его толкованіе, не легко могли быть съ несомнѣнностью и ясностью опровергнуты [3]).

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 643, 644, 647, 682, 687 и др.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 270—271.

[3]) Приведемъ еще два-три примѣра. Лордъ Букингамъ писалъ въ февралѣ 1763 г.: „Панинъ совершенно въ рукахъ французовъ (!) и составляетъ лишь орудіе въ рукахъ ихъ министра“, а въ мартѣ 1764 г.: „по мѣрѣ того, какъ я,

Наконецъ, прусскій посолъ гр. Сольмсъ, отъ себя замѣчая, что въ Петербургѣ одобреніе его короля „цѣнится безгранично“ и что въ 1771—1772 гг.) въ Петербургѣ господствуетъ „прусская эра“ [1]), передаетъ и нѣсколько заявленій Панина, что онъ чрезвычайно преданъ его прусскому величеству, что онъ готовъ ему во всемъ слѣдовать, сочтетъ себя счастливымъ, если удостоится его одобренія и ничего больше не желаетъ и т. д.; въ іюлѣ 1764 г. гр. Сольмсъ передаетъ королю „почтительнѣйшую просьбу“ Панина „помочь въ данномъ случаѣ императрицѣ“; черезъ годъ онъ пишетъ: „гр. Панинъ былъ въ восторгѣ, узнавъ о милостивомъ воззрѣніи вашего величества на дѣла Польши. Онъ льститъ себя надеждою, что ваша умѣренность и дружба къ русской императрицѣ побудятъ васъ, государь, изыскать средства къ скорѣйшему и совершенному окончанію ихъ съ выгодою для себя и ко всеобщему удовольствію“; далѣе прусскій посолъ такъ передаетъ своему государю слова русскаго министра: „онъ убѣжденъ, что при вашей глубокой проницательности... ваше величество одобрите этотъ планъ и, вслѣдствіе превосходства ума вашего, пожелаете помочь вашими совѣтами и содѣйствіемъ“; „дружба русской императрицы и ея министра“. продолжаетъ онъ въ той же депешѣ, „и забота ихъ о поддержаніи вашего величія такъ сильны, что я могу поручиться, что они выдвинутъ всѣ войска имперіи противъ того, кто осмѣлится ополчиться на васъ“; можно привести и еще много подобныхъ выраженій [2]). И мы не имѣемъ никакихъ осно-

---

сближаюсь со здѣшнимъ народомъ и узнаю его политическія мнѣнія и симпатіи, для меня становится очевиднымъ, что окончательное вліяніе надъ Россіей будетъ принадлежать австрійскому (!) двору“—*Сборникъ*, т. XII, 80, 161. Любопытно, что въ 1772 г., потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ получить Данцигъ, Фридрихъ съ полною увѣренностью приписывалъ это вліянію Англіи—*Сборникъ*, т. XXXVII, 608;—замѣчательное, по истинѣ, положеніе: противъ Австріи Россія дѣйствуетъ вполнѣ подъ вліяніемъ Пруссіи, противъ Пруссіи—подъ вліяніемъ Англіи, противъ Англіи—подъ вліяніемъ своихъ успѣховъ надъ Пруссіей и т. д. до безконечности!

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 594—хотя именно въ это время Фридриху не дали Данцига.

[2]) *Сборникъ*, т. XXII, 18, 120, 284, 375, 379, 435, 439 и др., т. XXXVII, 199, 454, 644, т. LXXII, 121 и т. д. Послѣднее увѣреніе гр. Сольмса невольно приводитъ на память инцидентъ 1775 г., происшедшій съ англійскомъ посломъ Гуннингомъ, который тоже убѣдилъ себя и свое министерство, что Екатерина въ своей дружбѣ къ королю англійскому готова дойдти до того, чтобы дать Англіи въ наемъ русскихъ солдатъ для усмиренія сѣверо-американскихъ колоній; но, конечно, англичане испытали самое жестокое разочарованіе, какъ только

ваній полагать, чтобы гр. Сольмсъ приписывалъ Панину, то, чего онъ не говорилъ; слова такія или имъ подобныя были почти навѣрно сказаны. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что гр. Сольмсъ придавалъ имъ несравненно больше значенія, чѣмъ они имѣли. Въ самомъ дѣлѣ, что́ могъ говорить русскій министръ послу чужаго государя объ этомъ самомъ государѣ, какъ не самыя любезныя вещи? а когда этотъ посолъ передавалъ своему государю отзывы о немъ, не очевидно-ли, что самыя обычныя фразы вѣжливости должны были получить видъ особенно лестныхъ и почтительныхъ выраженій. Вся личная переписка Екатерины и Фридриха состоитъ изъ самыхъ преувеличенныхъ похвалъ одного корреспондента другому, изъ самыхъ льстивыхъ комплиментовъ, и если бы можно было сдѣлать заключенія объ истинныхъ чувствахъ ихъ другъ къ другу на основаніи подобныхъ заявленій, то выводъ, что Фридрихъ былъ совершенно преданъ Екатеринѣ, что онъ преклонялся предъ нею, безконечно изумлялся всѣмъ ея дѣйствіямъ и распоряженіямъ—былъ бы ни чуть не менѣе основателенъ, чѣмъ выводъ, что „гр. Панинъ былъ искренній приверженецъ прусскаго союза“ [1]). Но по другимъ отзывамъ Фридриха, не предназначеннымъ для того, чтобы быть немедленно доведенными до свѣдѣнія его высокой союзницы, мы знаемъ съ несомнѣнностью, что въ интимной ихъ перепискѣ ихъ истинныя чувства и настоящія мнѣнія выражались менѣе всего. Посмотримъ же, каковы отзывы о Фридрихѣ въ перепискѣ русскихъ руководящихъ дѣятелей того времени, точно также не предназначенной для сообщенія прусскому королю; очевидно, что тамъ мы найдемъ болѣе вѣрное выраженіе ихъ взглядовъ и мнѣній о прусскомъ королѣ и его политикѣ, чѣмъ въ томъ, что они говорили объ этомъ съ представителемъ Пруссіи.

Не будемъ останавливаться на двухъ заявленіяхъ Екатерины принцу де-Линю, что она никогда не прочитала сочиненій Фридриха II далѣе 17-ой страницы, потому что нашла въ нихъ одну „отъявленную ложь“ [2]) и что въ перепискѣ императрицы съ Гримм-

---

попытались дѣйствительно получить согласіе Екатерины на такой необычный для Россіи и вообще недостойный поступокъ. Поведеніе императрицы Екатерины въ этомъ случаѣ произвело, конечно, самое благопріятное впечатлѣніе во Франціи тамъ оцѣнили не только выгодность этого поступка для Франціи, но и благородство государя, который не пожелалъ продавать своихъ подданныхъ. См. *Сборникъ* т. XIX, 476—502; *Rambaud*, Recueil, IX, 329—332.

[1]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ, II, 6.

[2]) *Сборникъ*, т. XLII, стр. 98, 185—1790 и 1791 годы.

момъ, въ которой почти всѣ упоминаемыя лица называются разными вымышленными, навсегда приданными имъ, прозваніями, Фридрихъ носитъ имя Ирода; не будемъ останавливаться и на томъ, что когда Дидро, на вопросъ Екатерины, почему онъ не любитъ Фридриха, отвѣтилъ: „онъ хорошій государь, но дурной человѣкъ и фальшивый монетчикъ“, Екатерина улыбнулась и сказала: „да, и на мою долю досталось нѣсколько его фальшивой монеты“ [1]); оставимъ, въ сторонѣ сообщеніе лорда Каскарта, что однажды, въ 1772 году, императрица за обѣдомъ разсуждала на тему, что король прусскій не придерживается въ политикѣ правилъ честности [2])—это были уже тѣ годы, когда Екатерина начала, быть можетъ, подумывать о необходимости новой борьбы съ Турціей, для которой союзъ съ Фридрихомъ былъ менѣе важенъ, чѣмъ союзъ съ Австріей—и къ тому же, нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній идутъ изъ вторыхъ рукъ; возьмемъ отзывы о Фридрихѣ только за первые годы, когда Россія была съ ними въ союзѣ, и по возможности изъ первыхъ рукъ.— Въ концѣ 1762 г. Екатерина писала гр. Кейзерлингу: „не знаю, чего онъ (Фридрихъ) ожидаетъ себѣ отъ такого образа дѣйствій, но признаюсь, что какъ онъ самъ, такъ и его поведеніе претятъ мнѣ ужасно“; въ это же время, отправляя къ вице-канцлеру письмо для Фридриха, Екатерина приложила къ нему такую записочку: „пусть прусскій посолъ передастъ это письмо своему хозяину“; въ декабрѣ того же года она собственноручною запискою поручала заявить англійскому послу, что удивляется неблагодарности прусскаго короля по отношенію къ Англіи; въ январѣ 1763 г. она поручила написать къ послу нашему при Фридрихѣ, что сообщенія, которыя онъ передалъ въ Петербургъ по личному приказанію Фридриха, „есть ложь и только показываютъ охоту короля прусскаго ссорить насъ съ этимъ (саксонскимъ) дворомъ“; немного ранѣе совершенно въ такомъ же смыслѣ писали Обрѣзкову въ Константинополь о другихъ сообщеніяхъ, тоже исходившихъ отъ Фридриха [3]). Въ концѣ декабря 1762 г. только что прибывшій въ Россію посолъ Фридриха, гр. Сольмсъ, объяснялся съ Панинымъ по слѣдующему поводу: въ англійскихъ газетахъ появилась статья, очень сочувствен-

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1877, II. 291.

[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 285.

[3]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 177, 187, 231, 240, 250, 256; см. еще т. LVII, 364—365.

ная Петру Ѳеодоровичу и очень непочтительная по отношенію къ Екатеринѣ; статья эта была названа извлеченіемъ изъ письма Фридриха къ Финкенштейну. Фридрихъ черезъ русскаго посла въ Берлинѣ увѣрялъ, что не онъ авторъ этихъ отзывовъ. И вотъ Панинъ говорилъ Сольмсу, что „государыня была по истинѣ тронута тѣмъ прямодушіемъ (du ton de droiture), которое проглядываетъ въ декларацiи, сдѣланной по приказанію короля кн. Репнину по поводу появившейся въ Англіи подъ его именемъ пасквили противъ императрицы; она слишкомъ увѣрена въ добрыхъ чувствахъ его величества къ ней, чтобы подобная клевета сколько нибудь могла заставить ее думать иначе“ [1]). Конечно, на основаніи этихъ словъ трудно рѣшить, насколько въ Петербургѣ повѣрили или не повѣрили этимъ объясненіямъ Фридриха; несомнѣнно, что выраженія, подобныя выраженіямъ этого „пасквиля“, Фридрихъ о Екатеринѣ употреблялъ [2]). Въ это время, во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ господствовало очень недружелюбное настроеніе къ Фридриху; и не только англійскій посолъ въ это время доносилъ: „король прусскій поступилъ весьма неблагоразумно, стараясь оправдаться отъ обвиненія (будто упомянутая статья извлечена изъ его письма): извиненія его только подтвердили общее мнѣніе, что именно онъ, и никто другой, авторъ этой статьи. Вообще ея величество крайне недовольна этимъ государемъ“, — но и спустя полтора мѣсяца, послѣ того, какъ Сольмсу сказано было, что Екатерина вѣритъ заявленіямъ Фридриха, англійскому послу говорили еще объ этой статьѣ и повторяли, что она произвела впечатлѣніе самое неблагопріятное для того, кого считаютъ ея авторомъ [3]). И такое отношеніе къ Фридриху вовсе не было мимолетнымъ. Спустя три года вотъ что приписалъ Панинъ въ постскриптумѣ официальной депеши къ кн. Н. В. Репнину: „для содержанія его (короля прусскаго) въ предѣлахъ, выгодныхъ сѣверной системѣ.... необходимо нужно, чтобы явныхъ его дѣлъ и настояній въ негоціяхъ не настояло, ибо, покамѣстъ оныя продолжать онъ будетъ, онъ при всѣхъ тѣхъ объясненіяхъ станетъ себя поставлять драгоцѣннѣе; мы же съ другой стороны будемъ безпрестанно упражняемы каверзами (sic!) малыхъ его дѣлъ и тѣмъ безпрестанно же отвращаемы отъ большихъ, общей си-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 12.
[2]) La Cour de Russie il y a cent ans, 186, 220.
[3]) *Сборникъ*, т. XII, 67, 84.

стемѣ полезныхъ дѣлъ“ [1]) Совершенно несомнѣнныя доказательства глубокаго недовѣрія къ политикѣ Фридриха въ изобиліи находятся въ интимной перепискѣ Панина. Въ октябрѣ 1762 г. Обрѣзкову предписано было заявить Портѣ, „что король прусскій уже всѣми державами признается всенароднымъ возмутителемъ“; и въ 1763 и въ 1764 годахъ предписано было внимательно наблюдать за дѣйствіями его агентовъ и въ Швеціи и въ Турціи, наружно оказывая имъ, однако, полнѣйшее довѣріе [2]). Въ іюнѣ 1765 г. Панинъ, обсуждая въ шифрованной депешѣ къ Обрѣзкову мѣры, какими можно бороться въ Константинополѣ противъ интригъ вѣнскаго правительства, разсуждаетъ, не удастся ли Обрѣзкову поднять Турцію на Австрію; при этомъ онъ высказываетъ слѣдующія соображенія: „по настоящему между нами и его прусскимъ величествомъ тѣсному союзу мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержать отъ чрезмѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны вѣнскому двору; турки же одни, конечно, не много оному принесутъ существительнаго ущерба, но рогъ гордости и высокомѣрія его чаятельно довольно посломаютъ“ [3]). И такъ, безъ всякой аффектаціи, какъ бы мимоходомъ, Панинъ высказывается, что, на случай серьезныхъ затрудненій Австріи, Россія не дастъ прусскому королю еще усилить эти затрудненія, но удержитъ его. Это ли слова безусловнаго сторонника прусской системы, это ли слова человѣка, вполнѣ находящагося подъ вліяніемъ Фридриха?!

Любопытенъ инцидентъ съ прусскимъ представителемъ въ Константинополѣ, Рексиномъ. Уже въ 1762 г. въ Петербургѣ имѣли свѣдѣнія, что Рексинъ интригуетъ противъ Россіи; за нимъ стали слѣдить и къ августу 1765 г. Панинъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства враждебныхъ Россіи происковъ Рексина. Онъ выразилъ по этому поводу гр. Сольмсу свое неудовольствіе и желаніе, чтобы Рексинъ былъ отозванъ; онъ не дѣлалъ изъ этого секрета и въ Петербургѣ многіе въ дипломатическихъ кругахъ знали объ этомъ [4]). Фридрихъ немедленно поручилъ Сольмсу отвѣтить отъ его имени, что онъ, король, увѣренъ въ лживости обвиненій, и представлялъ свои объясне-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LVII, 334; т. LXVII, 17—Панинъ точно также предписываетъ Репнину внушать полякамъ недовѣріе и опасеніе по отношенію къ Фридриху.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 467—468; т. LXVII, 356.

[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 273.

[4]) *Сборникъ*, т. XII, 209, 215.

нія—надо признаться, довольно натянутыя—откуда пошла эта, по его словамъ, клевета. Выслушавши отъ Сольмса это заявленіе отъ имени короля, Панинъ ему прочелъ, а затѣмъ, „для облегченія памяти“, прислалъ и на письмѣ обстоятельное доказательство справедливости своихъ обвиненій; по словамъ Панина (въ письмѣ къ Обрѣзкову) Сольмсъ „и самъ, яко человѣкъ по собственному его характеру отличной честности, безмолствен остался“; этотъ свой отвѣтъ Панинъ просилъ посла сообщить Фридриху и продожалъ настаивать на виновности Рексина деликатно, но очень твердо. Четыре раза писалъ Фридрихъ Сольмсу, защищая своего представителя и увѣряя, что русское правительство введено въ заблужденіе, вопросъ этотъ не сходилъ съ очереди полгода—и въ концѣ концовъ Фридрихъ уступилъ и отозвалъ Рексина; а Панинъ предписалъ Обрѣзкову тщательно слѣдить и за новымъ представителеиъ Пруссіи, Цегелиномъ. Въ письмахъ къ Обрѣзкову Панинъ высказывалъ полную увѣренность, что король прусскій далъ Рексину какія нибудь предписанія дѣйствовать противъ Россіи и, допуская вмѣстѣ съ тѣмъ, что Рексинъ, вѣроятно, нѣсколько превысилъ эти инструкціи, не находилъ нужнымъ уступать, замять это дѣло, не смотря на неоднократное личное вмѣшательство Фридриха [1]). Въ 1768 г., когда Панинъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ вторичное назначеніе въ Петербургъ Макартнея, въ дипломатическихъ кругахъ Стокгольма прошелъ слухъ, что это сдѣлано подъ вліяніемъ Фридриха, недовольнаго Англіею. Трудно, конечно, сказать, имѣлъ ли Фридрихъ участіе въ распространеніи этого слуха; но нельзя не замѣтить, что тутъ является опять то же мнѣніе о господствѣ въ Россіи прусскаго вліянія, какое Рексинъ, по инструкціямъ Фридриха, когда то поддерживалъ въ Константинополѣ. Но какъ бы то ни было, а Панинъ поспѣшилъ и на этотъ разъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть такое мнѣніе [2]); и онъ говорилъ сущую правду, утверждая что „король прусскій ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ конечно въ томъ участія не имѣлъ“; Макартнея не приняли въ Петербургѣ потому, что въ первое пребываніе онъ былъ участникомъ одного слишкомъ громкаго романическаго происшествія [3]).

---

[1]) См. *Сборникъ*, т. XLVIII, 230; т. LVII, 310—313, 325—327, 337, 338, 353—355, 475; т. XXII, 388, 391, 396, 421 и др.; т. XII, 205, 215—216, 227—228.

[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 60.

[3]) *Сборникъ*, т. LXVII, 546—551; т. LXXXVII, 11—12; *Русская Старина*, т. IV, 64 и т. IX, 540.

Совершенно такое же отношеніе къ королю Фридриху и Пруссіи видимъ мы и въ перепискѣ о нашихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нимъ въ Польшѣ. Въ мартѣ 1767 года Панинъ писалъ Репнину: „наши окрестныя державы, натурально, кипятъ завистію къ нашему произвожденію съ такою силою и съ такимъ успѣхомъ дѣлъ самоизвольныхъ и до нихъ самихъ касающихся. Таковы неоспоримо должны быть внутреннія импрессіи безъ исключенія у всѣхъ сосѣдей, яко то у вѣнскаго двора, у Порты и у самого короля прусскаго“ [1]). Панинъ настаивалъ на принятыхъ имъ рѣшеніяхъ по польскимъ дѣламъ и въ декабрѣ 1767 года писалъ въ Берлинъ посланнику князю Долгорукову: „нельзя намъ поступить на желаніе прусскаго двора, ибо инако дѣло все надлежало бы съ самаго начала вновь передѣлывать“ [2]); въ тотъ же, кажется, день [3]) онъ писалъ Репнину: „нѣтъ нашего намѣренія допускать г. Бенуа (прусскаго резидента въ Варшавѣ) до раздѣленія съ вами нашихъ негоціацій; но надобно, чтобы сіе недопущеніе происходило видимымъ образомъ не отъ насъ, а отъ делегаціи польской, яко не имѣющей отъ республики полной мочи трактовать съ кѣмъ другимъ, кромѣ вашего сіятельства. Не сомнѣваюсь я, что король прусскій не весьма будетъ доволенъ такимъ его министра недопущеніемъ; но когда съ нашей стороны сохранится вся благопристойная наружность, я не думаю опять, чтобъ онъ дальше сталъ настоять въ своемъ требованіи, а удовольствуется уже по необходимости тѣмъ, что ваше сіятельство продолжите откровенное ваше сношеніе съ министромъ его“ [4]). И король прусскій, дѣйствительно, поступилъ такъ, какъ ожидалъ Панинъ. По этому поводу Панинъ писалъ Репнину: „можно смѣло положить, что зависть его къ нашей инфлюенціи останется скрыта во внутренности сердца его“, что онъ непремѣнно будетъ вести противъ насъ какіе нибудь потаенные происки, которыхъ, впрочемъ, нечего особенно опасаться, но которые надо постоянно имѣть въ виду [5]). Еще болѣе общую характеристику и оцѣнку дѣйствій Фридриха въ польскомъ вопросѣ далъ Панинъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 517.

[2]) *Сборникъ*, т. LXVII, 555.

[3]) Предыдущая депеша помѣчена 12 декабря, депеша, изъ которой сейчасъ будетъ приведена выдержка—22-го декабря; но Панинъ въ ней сообщаетъ, что отправляетъ депеши сразу за нѣсколько дней, потому что предъ этимъ временемъ за его болѣзнью отправка депешъ задержалась.

[4]) *Сборникъ*, т. LXVII, 555, 556.

[5]) *Сборникъ*, т. LXVII, 556, 557.

28-го января 1768 года. Внимательное изученіе событій убѣждаетъ насъ, что общій взглядъ его на поведеніе Фридриха вѣренъ; но и помимо того, ошибался или не ошибался графъ Панинъ въ своей оцѣнкѣ, его отзывъ исключаетъ всякую возможность допустить руководительство русскою политикою со стороны Фридриха. „Не удивляетъ меня,—пишетъ Панинъ Репнину,—послѣдній къ вамъ отзывъ прусскаго министра, что дворъ его не желаетъ уже теперь, дабы сила трактата его въ новомъ нашемъ оговорена и охранена была. Сей отзывъ есть слѣдствіемъ того негодованія, въ которомъ нынѣ находится его прусское величество, завидуя внутренно успѣху и славѣ нашихъ дѣлъ. Сначала изъ робости, или же изъ недовѣрки къ одержанію толь полныхъ успѣховъ безъ всякихъ помѣшательствъ отъ постороннихъ державъ, не хотѣлъ сей государь самъ входить много въ наши подвиги, опасаясь зайдти по онымъ въ хлопоты, а можетъ быть остаться по неудачѣ и въ стыдѣ; почему содѣйствіе его по онымъ было, такъ сказать, приневоленное и такое только, отъ какого онъ по обязательствамъ своимъ съ нами пристойно отдѣлаться не могъ; а послѣ, когда увидалъ, что всѣ его опасенія были напрасныя и что всѣ трудности изъяты уже изъ среды нами одними, вздумалъ дѣлить славу и плоды наши, въ которомъ видѣ и чинены были какъ здѣсь, такъ и у васъ разныя попытки; но когда опять увидѣлъ, что мы, сдѣлавъ главное дѣло, не склонны и не намѣрены допустить его до желаемаго имъ раздѣленія, то и почувствовалъ внутренно зависть, которая теперь и наружно уже открывается. Но сіе обстоятельство, будучи временное и не равновѣсящее другимъ уваженіямъ, кои его прусское величество къ системѣ и союзу нашему привязываютъ, не долженствуетъ васъ останавливать, ни обезпокоивать“ [1]). Болѣе чѣмъ черезъ годъ, въ мартѣ 1769 года, въ наставленіи князю Волконскому, повторено въ главныхъ чертахъ то же самое. Панинъ прямо высказываетъ тутъ, что въ 1764 году, при заключеніи союза съ Пруссіей, „мы, судя по заботливому состоянію, въ какомъ находился тогда прусскій король, по неимѣнію ни съ кѣмъ никакого союза, могли со многою вѣроподобностью предполагать, что онъ въ замѣну обезпеченія своего нашимъ союзомъ, а наипаче по пункту Силезіи, охотно

---

[1]) *Сборникъ*, томъ LXXXVII, стр. 13. — Беръ точно такъ же замѣтилъ, что Фридрихъ опасался рѣшительныхъ дѣйствій въ Польшѣ, чтобы не быть вынужденнымъ, въ силу союзныхъ своихъ обязательствъ съ Россіею, принимать активное участіе.—Die erste Theilung Polens, I, 146, 148.

уступитъ намъ въ общихъ дѣлахъ первое мѣсто и свободное поле. Время оправдало уже тогдашнее наше гаданіе и мы имѣемъ удовольствіе видѣть, что его прусское величество, буде не безъ внутренней зависти, по крайней мѣрѣ со всею наружною искренностію и податливостію, содѣйствовалъ вездѣ успѣху дѣлъ нашихъ, а особливо въ Польшѣ“... „Хотя затѣмъ,—продолжаетъ Панинъ,—мы и отвратили всѣ двора его покушенія вмѣстить себя съ нами вообще въ гарантію новыхъ узаконеній, но, кромѣ сего содѣйствія, которое, сколь иногда ни слабо бывало, не можемъ мы однако не признаться, чтобъ не облегчало собственныхъ нашихъ подвиговъ, не усумнился его прусское величество жертвовать пріобрѣтенію дружбы и союза нашего любимою своею идеею пріобрѣтенія себѣ дружбы и союза Порты Оттоманской“ [1]).

Приведенныя выписки даютъ намъ, кажется, право утверждать, что—по крайней мѣрѣ сознательно—графъ Панинъ ни на одну минуту не подчинялся вліянію прусскаго короля, и совершенно не склоненъ былъ уступать ему тамъ, гдѣ это затрогивало интересы Россіи, какъ онъ ихъ понималъ. Съ полнымъ основаніемъ можно примѣнить къ политикѣ Екатерины и Панина слова, которыми профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ характеризуетъ политику Фридриха: „впрочемъ, нельзя не сказать, что при всей угодливости и уступчивости русская императрица и ея министръ (у профессора Мартенса стоитъ: „прусскій король“) никогда не забывали пользы своего собственнаго народа и, если послѣдняя того требовала, они противодѣйствовали, открыто или подъ рукой, видамъ прусской (у профессора Мартенса „русской“) политики“ [2]). Изученіе дипломатическихъ сношеній Россіи и Пруссіи раскрываетъ съ полною несомнѣнностью, кто былъ болѣе правъ въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ о ходѣ сообща совершенныхъ дѣлъ — русскій-ли министръ, который оставилъ только свою дѣловую переписку, или прусскій король, который счелъ нужнымъ оставить потомству изображеніе событій своего времени въ имъ самимъ написанной его исторіи. Многіе изъ этого потомства ему и повѣрили вполнѣ; но по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ современниковъ судили о современныхъ событіяхъ самостоятельно и совершенно не такъ, какъ король прусскій; такъ и русское министерство далеко не смотрѣло

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, стр. 395.

[2]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, VI, 38.

его глазами на изложенные имъ факты [1]); не удавалось обмануть Фридриху и многихъ другихъ дипломатовъ; англійскій посолъ при русскомъ дворѣ писалъ въ 1768 году: „стоитъ внимательно прослѣдить дѣйствія короля прусскаго въ Константинополѣ, въ Польшѣ, въ Даніи и при здѣшнемъ дворѣ, чтобы убѣдиться, что онъ болѣе опасается Россіи, чѣмъ питаетъ преданности къ ея интересамъ и что, хотя онъ не смѣетъ открыто заявить свои намѣренія и дѣйствуетъ только подъ рукой, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, съ цѣлью не допустить до выполненія системы Панина“ [2]).

И такъ, въ началѣ царствованія Екатерины II русское правительство въ своей внѣшней политикѣ стремилось совершенно сознательно къ самостоятельности и преслѣдовало исключительно выгоды Россіи, не смущаясь неудовольствіемъ своихъ и прежнихъ, и тогдашнихъ, союзниковъ, но стараясь, сколько возможно, ему противодѣйствовать; вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ не можетъ быть признаваемо сколько нибудь значительнымъ. Таково убѣжденіе, которое выносится изъ изученія внѣшней политики Россіи за этотъ періодъ. Не излагая здѣсь подробно ея хода, остановимся еще на одномъ спорномъ вопросѣ—именно на вопросѣ, кого именно надо считать руководителемъ этой политики и въ какихъ отношеніяхъ находились между собою императрица Екатерина и графъ Н. И. Панинъ.

III.

Первые полтора года при Екатеринѣ оставались прежніе канцлеръ гр. М. Ил. Воронцовъ и вице-канцлеръ, кн. А. М. Голицынъ; но ни тотъ, ни другой не пользовались ея расположеніемъ и не имѣли особеннаго вліянія. Князь Голицынъ, по согласнымъ отзывамъ нѣсколькихъ дипломатовъ, былъ человѣкъ незначительный и интересовался

---

[1]) Укажемъ любопытный документъ изъ эпохи, когда Фридрихъ очень старался убѣдить въ Петербургѣ въ необходимости уступить ему Данцигъ: графъ Сольмсъ сообщаетъ королю одинъ разговоръ свой по этому поводу съ Панинымъ, отчасти даже извиняясь предъ королемъ, что почти дословно передаетъ разговоръ частный, а не министеріальный, гдѣ, поэтому, не такъ уже осторожно взвѣшено каждое выраженіе. Неужели кто либо, прочитавъ эту депешу, останется въ убѣжденіи, что Панинъ находился подъ вліяніемъ Фридриха?... *Сборникъ*, т. LXXII, 583—585.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 324.

преимущественно церемоніальною стороною сношеній съ иностранными представителями [1]); гр. М. Ил. Воронцовъ не былъ пріятенъ и потому, что былъ выдвинутъ партіей Шуваловыхъ, съ которыми Екатерина никогда не ладила, и потому, что занималъ мѣсто гр. А. П. Бестужева-Рюмина, пострадавшаго за сношенія съ Екатериною; къ тому же гр. Воронцовъ, дѣйствительно, не отличался особыми дарованіями. И по донесеніямъ иностранныхъ представителей, и по перепискѣ русскаго министерства, совершенно очевидно, что въ дѣлахъ иностранной политики главную роль играли другіе совѣтники императрицы, именно: Н. И. Панинъ, гр. Бестужевъ-Рюминъ и гр. Кейзерлингъ. Изъ нихъ двое послѣднихъ были уже очень стары, и почти одновременно первый потерялъ всякое вліяніе, второй умеръ. При императрицѣ остался одинъ Н. И. Панинъ; онъ преимущественно и велъ переговоры съ представителями иностранныхъ державъ при русскомъ дворѣ, съ нимъ постоянно совѣтовалась императрица, онъ, наконецъ, 27-го октября 1763 г.. черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ гр. Воронцова заграницу, былъ назначенъ первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, на этомъ мѣстѣ, не нося званія канцлера, но поставленный выше вице-канцлера кн. Голицына, онъ оставался 20 лѣтъ, до самой смерти, и являлся—по наружности уже несомнѣнно—руководителемъ русской внѣшней политики. Но относительно того, какъ велико было въ дѣйствительности вліяніе его на ходъ дѣлъ, существуетъ сильное разномысліе. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей императрица Екатерина „страстно любила дипломатическія интриги“ и принимала непосредственное участіе въ переговорахъ, такъ что „иногда ея министры узнавали о принятыхъ ею рѣшеніяхъ уже послѣ того, какъ она окончательно уславливалась съ иностранными представителями въ Петербургѣ“ [2]). По мнѣнію другихъ изслѣдователей императрица вовсе не довѣряла Панину и вовсе не расположена была слѣдовать его совѣтамъ. — Остановимся нѣсколько на этихъ вопросахъ, потому что разрѣшеніе ихъ представляетъ интересъ не только для выясненія біографической подробности о жизни и дѣятельности Екатерины и Панина, но и для правильнаго представленія о петербургскомъ правительствѣ того времени вообще.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 134, 167, 182; т. XXII, 118 и др.

[2]) *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ, VI, 39—40; *Брикнеръ*, Исторія Екатерины II, 262, 267.

Обращаясь къ вопросу о личномъ участіи императрицы Екатерины въ политикѣ, мы должны сказать, что въ перепискѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ безусловное, положительно подавляющее большинство составляютъ документы, написанные въ коллегіи; императрица ихъ просматривала, просматривала обыкновенно очень внимательно, снабжала замѣтками, вносила поправки; но эти именно документы вполнѣ объясняютъ всѣ дѣйствія петербургскаго министерства; положительно нельзя указать случая, когда бы какое либо серьезное рѣшеніе было предписано императрицею коллегіи, а не выработано государынею сообща съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ ея сотрудниковъ, преимущественно съ Панинымъ. Обыкновенно на его докладъ о какомъ либо вопросѣ—письменный, хотя не рѣдко очень краткій—императрица полагала свою утвердительную резолюцію и по этой резолюціи въ коллегіи составлялся указъ, или рескриптъ и т. п., которые затѣмъ снова просматривались и утверждались или императрицею или высшими чинами коллегіи. За первую, большую половину царствованія Екатерины, то-есть какъ разъ за время министерства Панина, Екатерина если и вмѣшивалась въ переговоры лично, то лишь для того, чтобы прямо, безапелляціонно высказать рѣшенія, совершенно согласныя со всѣми предшествовавшими дѣйствіями коллегіи, но сообщить которыя могла съ наибольшимъ удобствомъ именно императрица, — особенно рельефно выступаетъ это въ двухъ случаяхъ отказа Екатерины англійскимъ посланникамъ, Макартнею и Гуннингу. Гр. Сольмсъ, пробывшій при русскомъ дворѣ представителемъ едва ли не долѣе всѣхъ другихъ членовъ дипломатическаго корпуса, сообщаетъ вотъ какое наблюденіе относительно занимающаго насъ вопроса: „Извѣстіе о субсидномъ трактатѣ (заключенномъ Австріею съ Турціею) произвело очень большое впечатлѣніе на императрицу. Эта государыня, которая никогда не говоритъ о дѣлахъ съ иностранными министрами, не могла удержаться, чтобы не заговорить со мною объ этомъ третьяго дня на вечернемъ собраніи“ [1]). Правда, съ иными посланниками императрица находила большое удовольствіе разговаривать и говорила съ ними много; но это опредѣлялось не дипломатическими соображеніями, а личностью посла; такъ съ французскимъ посломъ Бретейлемъ, возбуждавшимъ разные непріятные для петербургскаго двора вопросы, императрица тѣмъ не менѣе разговаривала охотно и настолько много, что это обращало даже на себя вниманіе.

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 622, 626.

Въ числѣ другихъ и англійскій посолъ лордъ Букингамъ сталъ безпокоиться, чтобы изъ этихъ разговоровъ не произошли какія нибудь важныя рѣшенія; узнавъ о его тревожныхъ сообщеніяхъ по этому поводу отъ русскаго посла въ Лондонѣ, Екатерина приказала сообщить Букингаму, что „ласковость, съ какою Бретейль принимается, нимало ко внутренности дѣлъ не касается“, а въ другой разъ велѣла ему сказать: „тѣмъ болѣе учтивости, оказанныя Бретейлю, не могутъ подозрѣнія подать, что онѣ были послѣ отпускной аудіенціи... Весьма ошибутся, если по персональнымъ пріемамъ будутъ судить о дѣлахъ“ [1]). И мы знаемъ, дѣйствительно, что никакихъ дѣлъ императрица и не думала начинать съ Бретейлемъ. Правда, англійскій посолъ лордъ Каскартъ сообщаетъ намъ замѣчаніе, прямо противуположное замѣчанію гр. Сольмса: именно, описывая пребываніе принца Генриха прусскаго въ Петербургѣ въ 1770 г., онъ говоритъ между прочимъ: „императрица очень охотно говоритъ и дѣйствуетъ независимо отъ своихъ министровъ“ [2]); но во-первыхъ, это замѣчаніе относится можетъ быть, только къ сношеніямъ Екатерины съ принцемъ Генрихомъ, самое положеніе котораго дѣлало чуть ли неизбѣжными разговоры съ нимъ Екатерины помимо министровъ; во-вторыхъ-же, если Каскартъ хотѣлъ сказать вообще о привычномъ способѣ дѣйствій Екатерины, то для насъ нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ наблюденіе прусскаго посланника болѣе вѣрно, такъ какъ изученіе бумагъ иностранной коллегіи доказываетъ намъ, что ни одно важное дипломатическое дѣло этой коллегіи не миновало. Ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей о степени и характерѣ личнаго участія императрицы въ рѣшеніи вопросовъ иностранной политики возникло, вѣроятно, вслѣдствіе того, что придана была излишняя вѣра нѣкоторымъ заявленіямъ русскихъ дипломатовъ, когда они выставляли свои дѣйствія какъ исполненіе непосредственныхъ прямыхъ повелѣній императрицы; но такъ какъ изъ бумагъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ несомнѣнно, что императрица частью прямо принимала предложенныя ей мѣры, частью же вырабатывала ихъ сообща со своими министрами, то заявленія дипломатовъ, подобныя выше приведеннымъ, надо объяснять тѣмъ, что осторожно и умѣренно употребляя ихъ, они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ устранять всякія возраженія. Точно также намъ кажется совершенно невѣрнымъ утвержденіе, будто императрица

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 489, 561.
[2]) *Сборникъ*, т. XIX, 136—137.

Екатерина „страстно любила“ интриги и участіе въ нихъ [1]); по нашему мнѣнію было какъ разъ наоборотъ. Немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина прекратила интриганскую переписку, которую завела императрица Елизавета, уступая желанію Людовика XV, дѣйствительно любившаго интриги и посвящавшаго имъ всю свою дѣятельность; Екатерина прекратила эту переписку и не замѣнила ее ничѣмъ другимъ подобнымъ [2]). Можно сказать, что императрица Екатерина не отказывалась дѣйствовать даже и интригами, гдѣ ими можно было получить что либо существенно важное и выгодное для Россіи; но чтобы она „страстно любила“ интриги — этого доказать, конечно, невозможно.

Въ силу этихъ данныхъ мы и утверждаемъ положительно, что мнѣніе, будто императрица Екатерина лично руководила внѣшнею политикою, часто помимо своихъ министровъ, неправильно [3]); ближайшаго, непосредственнаго участія въ ней гр. Панина отрицать невозможно. Разсмотримъ теперь вопросъ о взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ Екатерины и Н. И. Панина.

Графъ Мерси въ августѣ 1763 г. доносилъ, что Панинъ „въ совершенной немилости у русской императрицы, и ея величество ничего не желаетъ болѣе, какъ отдѣлаться отъ него и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“; въ ноябрѣ того же года онъ писалъ, что „нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣшняя государыня питала такую ненависть къ Панину, что тогда ничего такъ страстно не желала, какъ подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ отъ него отдѣлаться“; на-

---

[1]) *Мартенсъ*, VI, 40.

[2]) *Архивъ кн. Воронцова*, т. VII, 647 и 610.

[3]) „Екатерина именно въ области внѣшней политики съ первыхъ дней своего царствованія руководствовалась исключительно своими собственными соображеніями. Не было никого, кто могъ бы заставить ее слѣдовать какой-либо сложной системѣ или политической доктринѣ. Она въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствовала по своему собственному усмотрѣнію. Эстергази игралъ довольно важную роль при Елизаветѣ, Гольцъ и Шверинъ были совѣтниками Петра; теперь же Екатерина и относительно Пруссіи, и относительно Австріи была вполнѣ независима и этимъ самымъ Россія пріобрѣла гораздо болѣ важное значеніе въ общеевропейской политикѣ“—говоритъ Брикнеръ, Исторія Екатерины II, 141. Послѣднее замѣчаніе, конечно, совершенно правильно, но только, справедливо указывая полнѣйшую независимость Екатерины II отъ какихъ-либо вліяній иностранныхъ министровъ, никакъ нельзя этимъ доказывать того, будто бы императрица также относилась и къ русскимъ министрамъ: вѣдь двѣ вещи совершенно различныя—подчиняться вліянію чужаго министра или совѣтоваться со своимъ!

конецъ въ декабрѣ того же года онъ пишетъ, что императрица „ненавидитъ“ Панина, „но пользуется имъ и допускаетъ большое вліяніе его на дѣла“ [1]). Въ извѣстномъ сборникѣ наиболѣе пикантныхъ выдержекъ изъ донесеній французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, La Cour de Russie il y a cent ans, высказывается совершенно такой же взглядъ на отношенія Екатерины и Панина и объясняются они тѣмъ, что Екатерина не забыла намѣренія Панина возвести на престолъ не ее, а Павла Петровича. Люди, излишне склонные приписывать высоко стоящимъ дѣятелямъ одни личныя, и непремѣнно— какія нибудь особенныя, необыкновенныя побужденія, охотно вѣрятъ такому, дѣйствительно, оригинальному положенію, какъ совмѣстная двадцатилѣтняя дѣятельность императрицы и министра, которые другъ другу не довѣряютъ и даже ненавидятъ другъ друга; подтвержденіе словамъ графа Мерси и сборника La Cour de Russie находятъ въ исторіи съ учрежденіемъ императорскаго совѣта, въ запискѣ Екатерины къ Потемкину и письмѣ Н. И. Панина къ брату, написанныхъ послѣ одного засѣданія совѣта, въ легендѣ о заговорѣ Паниныхъ въ 1772 году и въ двухъ—трехъ отдѣльныхъ выраженіяхъ Панина и Екатерины. — Остановимся на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ доказательствъ подробнѣе.

Сообщенія графа Мерси о неудовольствіи императрицы противъ Панина въ 1763 году, находятъ себѣ поддержку въ донесеніяхъ и другихъ дипломатовъ; поэтому, отрицать этого факта нельзя; но именно тѣ самыя донесенія, которыя подтверждаютъ этотъ фактъ, съ несомнѣнностью обличаютъ крайнія преувеличенія въ словахъ гр. Мерси и даютъ возможность ввести его разказъ въ должныя границы. Гр. Мерси пишетъ въ теченіи августа—декабря 1763 г. о „ненависти“ императрицы къ Панину, о „полномъ почти низверженіи его“—гр. Сольмсъ и лордъ Букингамъ говорятъ только о „нѣкоторомъ охлажденіи“ [2]). Слова гр. Мерси звучатъ страннымъ диссонансомъ съ его-же жалобами на преобладающее вліяніе Панина и съ его же сообщеніемъ, что Екатерина хотя и ненавидитъ Панина, но даетъ ему большое вліяніе въ дѣлахъ, совершенно отказавшись отъ совѣтовъ главнаго соперника Панина, знаменитаго гр. Бестужева-Рюмина. Разказы Сольмса и Букингама рисуютъ намъ только такую размолвку, которая вовсе не представляется невѣроятною при прежнихъ хо-

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 581, 692, 719; см. еще 482, 510, 567.
[2]) *Сборникъ*, т. XII, 99; т. XXII, 49, 63, 68.

рошихъ отношеніяхъ и которая нимало не дѣлала невозможнымъ ихъ возстановленіе. Что касается причинъ недовѣрія Екатерины къ Панину, то только завѣдомые недруги Панина и въ большинствѣ случаевъ люди не особенно серьезные и достовѣрные объясняютъ его тѣмъ, что императрица не забывала намѣренія Панина возвести на престолъ ея сына помимо ея самой и какими то его республиканскими тенденціями [1]). Совершенно возможно и даже вполнѣ вѣроятно, что тогда когда было еще вопросомъ, кѣмъ замѣнить Петра Ѳедоровича на престолѣ, занимать который онъ былъ очевидно неспособенъ, Панинъ думалъ о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, какъ наиболѣе вѣроятномъ и законномъ преемникѣ Петра [2]); но когда прежнее правительство устранено было совершенно другими людьми и престолъ заняла Екатерина, Панинъ конечно съ полною искренностью и совершенно безспорно примирился съ совершившимся

---

[1]) Конечно, не рисуютъ серьезными дѣятелями французскихъ дипломатовъ такія замѣчанія, какъ характеристика Н. И. Панина въ инструкціи Боссету, заключающая между прочимъ такое мѣсто: „Le comte (sic) Panin et ses amis, qui joueroient sûrement le principale rôle dans la révolution, si elle avoit lieu en faveur du grand-duc, sont imbus de la nécessité de resserrer les droits abusifs de l'autorité czarienne, et personne n'est dans les sentiments plus républicains, que ce ministre, qui les a sucés en Suede“,—*Rambaud*, Recueil, IX, 236; такія слова доказываютъ только, что на французской дипломатической службѣ было въ то время не мало поверхностныхъ, но бойкихъ говоруновъ, въ родѣ Бретейля,—а о достовѣрности его разказовъ имѣемъ очень неблагопріятный и доказательный отзывъ Сегюра—*Русскій Архивъ*, 1890, № 12, 550; впрочемъ, дипломатія Людовика XV за то и потерпѣла множество серьезныхъ пораженій. Въ донесеніи Гуннинга отъ 28-го іюля 1772 г. говорится тоже о недовѣріи Екатерины къ Панину изъ за вопроса о престолѣ; но тамъ возникновеніе вопроса отнесено къ эпохѣ предполагавшагося брака императрицы съ Орловымъ; объясненіе затѣмъ отношеній Екатерины къ Панину очень натянутое — *Сборникъ*, т. XIX, 297—298. Гр. Сольмсъ сообщаетъ, что ему разказывали о намѣреніи нѣкоторыхъ въ томъ числѣ будтобы и Н. И. Панина, провозгласить Екатерину лишь регентшей, но ничего не говоритъ о подозрѣніяхъ императрицы противъ Панина послѣ того — *Сборникъ*, т. XXII, 74.

[2]) Княгиня Дашкова разсказываетъ въ своихъ „Mémoires“: „mon oncle aimait beaucoup à imaginer que son pupille gouvernerait selon les loix et la forme de la monarchie suédoise“—*Архивъ кн. Воронцова*, XXI, 57; но для того, чтобы можно было повѣрить въ такія предположенія Панина нужно, конечно, свидѣтельство болѣе убѣдительное и серьезное, чѣмъ показаніе кн. Дашковой. Переписка Панина съ Остерманомъ, не говоря уже о постоянныхъ подкупахъ, какіе онъ производилъ въ Швеціи, дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ, что Панинъ отлично видѣлъ, насколько вредно для Швеціи ея государственное устройство.

фактомъ; и нѣтъ никакихъ, сколько нибудь похожихъ на достовѣрныя, свидѣтельствъ, чтобы онъ думалъ еще о новыхъ потрясеніяхъ, а не объ утвержденіи и такъ уже слишкомъ часто потрясеннаго въ XVIII в. преемства высшей власти въ Россіи. Что касается заговора Паниныхъ въ началѣ 70-хъ годовъ, то это есть чистѣйшій вымыселъ и нельзя не удивляться, какъ до сихъ поръ находятся еще люди, допускающіе возможность такого происшествія. Несомнѣнно, что разказы объ этомъ представляютъ изъ себя перепутанныя воспоминанія о дѣлѣ Сальдерна, дѣлѣ, въ которомъ Панинъ разыгралъ роль діаметрально противоположную той, которая ему приписывается, какъ участнику заговора. Дѣло Сальдерна извѣстно намъ по современнымъ донесеніямъ иностранныхъ пословъ, и несомнѣнно конечно, что подобная исторія и не могла укрыться отъ вѣдома ихъ, но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о заговорѣ Панина ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ другомъ; роль и дѣятельность заговорщика приписана министру, 10 лѣтъ до того и 8 лѣтъ послѣ того, до самой своей смерти, стоявшему во главѣ правленія, главнымъ образомъ на основаніи записокъ М. А. Фонвизина, писанныхъ въ *пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка* и наполненныхъ всевозможными фактическими неточностями [1])! Совершенно неправильно представляли до сихъ поръ и участіе Панина въ дѣлѣ объ учрежденіи въ Россіи Императорскаго совѣта; въ другомъ мѣстѣ мы доказали, что во всемъ этомъ эпизодѣ не было со стороны Панина даже намека на попытку ограничить самодержавную власть императрицы [2]); да и несомнѣнно кромѣ того, что если бы подобная попытка была произведена, она вызвала бы не только временное личное охлажденіе...

Какъ воспоминаніе о какомъ-то исключительномъ положеніи Панина между императрицею съ одной стороны и ея сыномъ и обществомъ съ другой толкуютъ фразу, сказанную Екатериною Храповицкому въ 1793 году, что „по политическимъ“ причинамъ она не брала сына отъ Панина потому, что „всѣ думали, что если не у Панина, то пропалъ“ [3]). Но эта коротенькая фраза, произнесенная

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ 1893 г. наша статья „Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II“; см. еще письма Сольмса къ Ассебургу, *Русская Старина*, 1877 г. т. XIX, 353—358.

[2]) „Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія императрицы Екатерины II“—въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893 года, мартъ.

[3]) *Храповицкаго* Дневникъ, 20-го іюля 1793 года.

въ разговорѣ о физическомъ воспитаніи великаго князя Александра сравнительно съ физическимъ воспитаніемъ великаго князя Павла, нуждается въ слишкомъ сложныхъ предположеніяхъ и слишкомъ тонкихъ толкованіяхъ, чтобы обратить ее въ доказательство недовѣрія и Екатерины къ Панину и общества къ Екатеринѣ; мы устраняемся отъ нихъ, не считая возможнымъ построить какое либо утвержденіе на натянутыхъ и сложныхъ толкованіяхъ одной отрывочной фразы.— Но указываютъ, будто и самъ Панинъ говорилъ Сольмсу, что его вліяніе въ петербургскомъ правительствѣ продолжится до тѣхъ поръ, пока его кровать стоитъ во дворцѣ и что когда кровать его будетъ вынесена, все измѣнится. Такая ссылка невѣрна: Панинъ этого не говорилъ— по крайней мѣрѣ до насъ не дошли такія его слова. Онъ сказалъ Сольмсу, что пока его кровать во дворцѣ,—то-есть, пока онъ занимаетъ свое прежнее мѣсто при наслѣдникѣ, пока онъ не лишился, слѣдовательно, довѣрія императрицы, — до тѣхъ поръ графъ Сольмсъ „можетъ ничего не бояться“ въ смыслѣ сохраненія дружбы Россіи и Пруссіи; но что когда кровать Панина будетъ вынесена—это будетъ значить, что возобладали сторонники союза съ Австріей [1]). Простое— но только внимательное и не предубѣжденное — чтеніе этой депеши Сольмса съ несомнѣнностью раскрываетъ, что Панинъ говорилъ о связи принятой имъ системы съ сохраненіемъ имъ своего мѣста и значенія, а вовсе не о связи своего положенія и значенія съ придворными интригами.

Несомнѣнно высказано взаимное недовольство Екатерины и Панина въ письмѣ императрицы къ Потемкину и Панина къ брату, написанныхъ немедленно послѣ засѣданія совѣта, на которомъ обсуждалось положеніе дѣлъ послѣ полученія извѣстія о значительныхъ успѣхахъ Пугачева [2]). Въ письмѣ императрицы неудовольствіе и недовѣріе высказано совершенно прямо, въ письмѣ Панина говорится въ самыхъ неодобрительныхъ выраженіяхъ о Вяземскомъ, Чернышевѣ, Орловѣ, но очевидно, что Панинъ крайне недоволенъ всѣми участниками засѣданія, а въ немъ предсѣдательствовала сама императрица. Но неужели можно признавать, что эти письма, составленныя подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ преній и споровъ въ моментъ, дѣйствительно, крайне непріятный и критическій, рисуютъ сколько нибудь вѣрно постоянное, обычное отношеніе участниковъ совѣта

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXII, 126.

[2]) *Сборникъ*, т. VI, 74; т. XIII, 420; *Архивъ Государственнаго Совѣта*, т. I, 454.

другъ къ другу? Они написаны очевидно въ минуту раздраженія, и кому же не случалось въ подобныя минуты, обращаясь къ наиболѣе близкимъ людямъ, произносить о другихъ людяхъ отзывы и сужденія такія, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ обычнымъ, постояннымъ чувствамъ къ тѣмъ же самымъ лицамъ?!

Всѣ эти указанія на характеръ взаимныхъ отношеній Екатерины и Панина должно признать частью далеко недостаточными для опредѣленія этихъ отношеній, частью — недостовѣрными, а толкованія ихъ большею частію ошибочными или по крайней мѣрѣ натянутыми. Надежнымъ основаніемъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса можетъ послужить только переписка Екатерины и Панина, въ которой считается нѣсколько сотъ писемъ и записокъ, которая не предназначалась никогда для общаго свѣдѣнія и велась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ самыхъ различныхъ положеній и вопросовъ. Насколько вѣрно передавала эта переписка настроеніе корреспондентовъ—видно, между прочимъ, изъ того, что въ ней отразилось и то непродолжительное охлажденіе между ними, о которомъ мы говорили выше. Ознакомленіе съ этимъ эпизодомъ изъ первыхъ рукъ для насъ чрезвычайно важно.

По донесеніямъ иностранныхъ посланниковъ начало охлажденія Екатерины къ Панину относится къ лѣту 1763 года; и дѣйствительно, за это время, послѣ 24-го мая, въ перепискѣ Екатерины только одна записка къ Панину; въ дипломатическихъ бумагахъ, до осени, тоже—только одно или два упоминанія о немъ—оффиціально мѣста въ иностранной коллегіи Панинъ не занималъ до 27-го октября 1763 года. Это были мѣсяцы очень тревожные для придворныхъ сферъ: въ это именно время шла борьба изъ-за вопроса о бракѣ Екатерины съ Орловымъ; только что въ концѣ 1762 г. въ Петербургѣ раскрылся заговоръ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, а въ 20-хъ числахъ іюня обнаружились замыслы Хитрово. Несомнѣнно, Панинъ былъ противъ брака; Хитрово говорилъ, что Екатерина давала Панину слово быть лишь регентшею при сынѣ, а не императрицею... [1]). При такихъ обстоятельствахъ, въ первый годъ царствованія, которое началось сверженіемъ прежняго правительства, удивительна-ли осторожность относительно такого виднаго человѣка, какъ Панинъ, человѣка, имѣвшаго къ тому же не мало враговъ и завистниковъ, которые, конечно, старались возбудить у императрицы недовѣріе ке нему. Ека-

---

[1]) *Сборникъ*, томъ VII, 292, 293.

терина сама совершила coup d'état, подготовляла его, — очень естественно, что она опасалась чего либо подобнаго и противъ себя самой, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ Хрущова замѣшаны были все болѣе или менѣе приближенные къ ней люди; нѣтъ ничего удивительнаго, что она усумнилась на минуту и въ Панинѣ. Но изъ дальнѣйшаго изученія документовъ нельзя не видѣть, что Панинъ вышелъ безусловно чистымъ изъ этого — въ такое время во всякомъ случаѣ не вполнѣ безопаснаго—вниманія къ его поведенію, ибо подозрительными могли показаться даже и совершенно невинныя слова: послѣ этого дѣла императрица вернула Панину свое полное довѣріе, вернула его, можетъ быть, въ еще усиленныхъ размѣрахъ. Послѣ того перерыва въ перепискѣ, о которомъ мы упомянули, первою, дошедшею до насъ, запискою Екатерины къ Панину, уже въ октябрѣ 1763 году, является слѣдующая извѣстная: „Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго, — король прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ“ [1]); 27-го того же октября, именно въ трудное, хлопотливое время, Панинъ назначенъ былъ первенствующимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; дальнѣйшая дипломатическая переписка, а также и записки Екатерины къ Панину, и донесенія пословъ, одинаково свидѣтельствуютъ о полномъ, твердомъ согласіи императрицы и министра, и полномъ взаимномъ ихъ довѣріи. Опять, какъ прежде, какъ въ началѣ 1763 года, Екатерина въ перепискѣ съ Кейзерлингомъ называетъ „совершенно секретными“, „никому неизвѣстными“ тѣ письма, которыя знаютъ она и Панинъ; совершенно согласно съ пунктами, проектированными въ записочкѣ Панина, она пишетъ даже собственноручныя письма [2]); очень секретная переписка по поводу слуховъ о злоумышленіяхъ на жизнь императрицы идетъ непосредственно и единственно черезъ Панина [3]); въ 1764 году Екатерина Панину поручила возвратить англійскому послу 44,000 рублей, которые когда-то еще будучи великою княгиней, она получила отъ англійскаго посла Вилліамса; это было дѣло совершенно интимное [4]), и Екатерина, имѣвшая подлѣ себя такихъ людей, какъ И. П. Елагинъ, А. В. Олсуфьевъ, добраго отно-

---

[1]) *Сборникъ*, т. VII, 321.

[2]) *Сборникъ*, т. XLVIII, 407, 414—415, 595—596; т. LI, 281, 311.

[3]) *Сборникъ*, т. LVII, 36.

[4]) *Сборникъ*, т. XII, 162—164; заемъ былъ сдѣланъ, кажется, въ ноябрѣ 1756 г.—см. *Сборникъ*, т. VII, 73.

шенія ея къ которымъ никакъ нельзя подвергнуть сомнѣнію, не поручила бы этого дѣла Панину, если бы и къ нему не относилась совершенно дружески. Во время отсутствій императрицы—когда она ѣздила въ Прибалтійскія губерніи въ 1764 году, когда она путешествовала по Волгѣ въ 1767 году, а также и въ то время, когда все вниманіе свое посвящала она коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія — всѣ дѣла идутъ черезъ Панина и переписка его съ послами нимало не дѣлается менѣе обстоятельною или распоряженія менѣе опредѣленными; Екатерина писала Кейзерлингу, что во время ея отсутствія въ Петербургѣ будутъ составляться отвѣты на донесенія изъ-за границы, по распоряженіямъ министровъ, „согласно данным имъ указаніямъ“, и что только затѣмъ уже эти отвѣты будутъ пересылаемы къ ней, а она ихъ будетъ подписывать и отправлять прямо далѣе, или измѣнять [1]); никакой задержки въ перепискѣ не произошло. Во время поѣздки Екатерины въ Ригу въ Петербургѣ произведена была Мировичемъ безумная попытка возвести на престолъ Іоанна Антоновича; конечно, это было нѣчто аналогичное съ заговоромъ Гурьевыхъ и Хрущова, только посерьезнѣе—но въ это время Екатерина не имѣла уже ни малѣйшаго недовѣрія къ Панину: подъ его наблюденіемъ шло слѣдствіе по дѣлу Мировича. Въ 1767 г., во время разновременныхъ переѣздовъ изъ Москвы въ Петербургъ Екатерины и Панина, послѣдній писалъ Репнину: „хотя за отсутствіемъ Ея Императорскаго Величества и не могъ я помянутыхъ депешей представить къ высочайшей апробаціи, но имѣя, однако же, отъ всемилостивѣйшей государыни достаточныя на всё повелѣнія, могу я теперь самъ для выиграпія столь драгоцѣннаго времени рѣшительно уже сказать вамъ, чтобъ смѣло изволили вы приступать къ подписанію трактата“; въ другомъ письмѣ, къ А. М. Обрѣзкову, Панинъ говоритъ: „вотъ все, что я теперь въ отсутствіе Ея Императорскаго Величества на послѣднее Ваше письмо предварительно сказать могу; но какъ я, однако же, имѣю счастіе достаточно знать высочайшія Ея Величества намѣренія, то и могу ваше превосходительство увѣрить, что настоящія мои изъясненія согласуютъ онымъ, слѣдовательно же и могутъ вамъ служить надежнымъ руководствомъ“ [2]). Совѣтъ, созванный императрицею при дворѣ въ самомъ началѣ турецкой войны, былъ ре-

---

[1]) *Сборникъ*, т. LI, 398—399, 517.
[2]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 12, 31.

зультатомъ предварительнаго совѣщанія съ Панинымъ [1]); за первые 8 дней по полученіи въ Петербургѣ извѣстій о началѣ со стороны Турціи враждебныхъ дѣйствій мы не имѣемъ бумагъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—несомнѣнно, что Панинъ принималъ ближайшее непосредственное участіе въ обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ, какъ это и видно по его протоколамъ. Если бы не было между императрицей и ея министромъ искренняго довѣрія—какъ легко можно было, съ сохраненіемъ всѣхъ приличій, отстранить министра иностранныхъ дѣлъ отъ обсужденія мѣръ для войны, уже начавшейся. Графъ Сольмсъ говоритъ объ этомъ времени такъ: публика и даже друзья обвиняютъ Панина въ томъ, что онъ способомъ дѣйствій своихъ въ Польшѣ вызвалъ войну; императрицѣ извѣстно это мнѣніе публики, но она по прежнему отдаетъ предпочтеніе совѣтамъ Панина и его мнѣніямъ и въ совѣщаніи министровъ и генераловъ, которыхъ она собираетъ три раза въ недѣлю, разбирается только то, что уже подготовлено ею съ Панинымъ [2]). Затѣмъ въ резолюціяхъ Екатерины на разныя бумаги, исходившія отъ Панина, мы постоянно встрѣчаемъ совершенно дружескія, интимныя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, разъ она приписала въ письмѣ къ кн. Репнину: „едва не забыла вамъ сказать, что я совершенно не причемъ въ раздраженіи вашего любезнаго дядюшки (то-есть Панина) и что онъ повѣдалъ мнѣ о немъ лишь показывая вашъ отвѣтъ. Тогда я въ свою очередь побранила его (je l'ai grondé) за нерасположеніе къ шуткамъ". Въ другой разъ, на замѣткѣ Панина по поводу одного донесенія Кейзерлинга, она приписала: „я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна и прочитавъ промеморію почти всѣ тѣ же рефлексіи дѣлала"; въ февралѣ 1765 г. она приписала на одномъ докладѣ Панина: „А я, Екатерина, говорю, что Панину бояться нечего", и затѣмъ, тѣми самыми мыслями, какія онъ тутъ высказывалъ, воспользовалась для собственноручнаго письма въ маѣ 1765 г. Въ одной собственноручной записочкѣ къ Панину, въ апрѣлѣ 1765 г., Екатерина говоритъ въ концѣ такъ: „если вы сіе не апробуете, то раздерите сей билетъ", а въ другой разъ, на предложенное Панинымъ рѣшеніе, она начала свой отвѣтъ, содержащій полное согласіе съ нимъ, такими словами: „Сейчасъ прикажу" и т. д. [3]).

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893 г., мартъ, наша статья „Проектъ императорскаго совѣта".

[2]) *Сборникъ*, т. XXXVII, 184, 194.

[3]) *Сборникъ*, т. LI, 171, 182; т. LVII, 181, 182, 232, 259, 430.

Въ свою очередь и Панинъ говоритъ съ императрицею тономъ человѣка вполнѣ близкаго и довѣреннаго; такъ, изложивъ письменно вкратцѣ свое мнѣніе по поводу одного донесенія Остермана, онъ закончилъ его такими простыми словами: „я предоставляю себѣ счастіе объ этомъ ближе на словахъ изъясниться“ [1]). Можно безъ труда указать не одинъ случай, гдѣ Екатерина, высказывая свое мнѣніе по поводу какого-нибудь неуспѣха или неполнаго успѣха принятыхъ по предписаніямъ Панина мѣръ, или разрѣшая Панину употребить довольно крупныя суммы на поправленіе такихъ неудачъ въ дѣлахъ, которыя, пожалуй, можно было предвидѣть и заблаговременно предотвратить,—не пользовалась случаемъ уколоть Панина, доставить ему нѣсколько непріятныхъ минутъ; напротивъ, ко всѣмъ такимъ случаямъ она относилась самымъ простымъ, благожелательнымъ образомъ [2]). Наконецъ, вотъ знаменитое письмо Екатерины послѣ избранія Станислава Августа Понятовскаго королемъ: „Никита Ивановичъ! Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наивяще умножаетъ къ вамъ мою довѣренность; понеже я вижу, сколь безошибочны были всѣ ваши взятыя мѣры, о чемъ я не хотѣла обойтись показать вамъ мое удовольствіе. У меня такъ чрезвычайно спина болитъ, что я никакъ не въ состояніи долго перо держать и для того, сказавъ причину, извольте вмѣсто меня на сей разъ написать къ гр. Кейзерлингу и къ кн. Репнину мое удовольствіе за ихъ труды и радѣніе, которыми они не мало себѣ и намъ славы пріобрѣли; и къ новому королю прикажите къ подписанію моему заготовить письмо въ отвѣтъ на его. Если у меня не ревматизмъ въ спинѣ, то умираю—боюсь, чтобъ не камень былъ; только то, что послѣ бани первый разъ мнѣ легче было, нѣсколько обнадеживаетъ, что простуда. Князя Шаховскаго, скажите Захару Чернышеву, что я жалую подполковникомъ. Екатерина“ [3]). Этого письма нельзя не признать самымъ сердечнымъ, дружественнымъ. И если такія отношенія, какія сейчасъ мы видѣли, существовали между Екатериной и Панинымъ послѣ того, какъ въ теченіи нѣкотораго времени между ними отношенія были довольно холодны, то можно съ полною увѣренностью утверждать, что между ними согласіе было искренно возстановлено. Императрица говоритъ со своимъ министромъ въ тонѣ совершенно дружескомъ и вполнѣ

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXVII, 208.

[2]) См. напримѣръ, *Сборникъ*, т. LI, 478; т. LVII; 430; т. LXVII, 221, 222 и др.

[3]) *Сборникъ*, т. VII, 373—374.

соотвѣтствующемъ мнѣнію о своихъ министрахъ, высказанному ею въ одномъ изъ первыхъ, по восшествіи ея на престолъ, писемъ ея къ Понятовскому, въ октябрѣ 1763 г., когда она писала: „Не знаю, что говорятъ о людяхъ, окружающихъ меня, но знаю, что они не подлые льстецы и не презрѣнныя и низкія души. Я знаю за ними лишь патріотическія чувства, знаю, что они любятъ и дѣлаютъ добро, никого не обманываютъ и не берутъ денегъ за то, что по своему кредиту они могутъ совершить. Если съ этими качествами они не имѣютъ счастія нравиться тѣмъ, кто желалъ бы видѣть ихъ порочными, то по совѣсти и они, и я, мы обйдемся безъ ихъ одобренія“ [1]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія. что въ письмѣ этомъ Екатерина подразумѣвала и Н. И. Панина, о неподкупности котораго вообще ходила громкая слава.

И такъ, необходимо признать, что между императрицей и министромъ ея существовало полное довѣріе и господствовало полное согласіе; несомнѣнно, что работая надъ одними и тѣми же вопросами, они иногда спорили, но всегда дѣло кончалось тѣмъ, что сообща принималось какое-нибудь одно рѣшеніе и ему уже слѣдовали обѣ стороны вполнѣ искренно и со всѣмъ стараніемъ. Мы не можемъ указать ни одного случая, гдѣ бы мы видѣли ясно слѣды различной политики государыни и министра; они всегда дѣйствовали по взаимному соглашенію и кто бы между ними ни доминировалъ, чье бы мнѣніе ни одерживало верхъ чаще—можно утверждать, что обѣ стороны одинаково были проникнуты тѣми заботами о выгодахъ и пользѣ Россіи, которыми такъ благопріятно отличается царствованіе Екатерины II. Внимательное изученіе документовъ о дѣятельности Панина раскрываетъ съ несомнѣнностью, что онъ былъ достойнымъ сотрудникомъ своей государыни и вполнѣ достойнымъ представителемъ чести и значенія Россіи въ сношеніяхъ съ другими державами.

Гр. Никита Ивановичъ Панинъ до сихъ поръ еще не оцѣненъ у насъ по заслугамъ. Внимательное изученіе обильныхъ и весьма важныхъ данныхъ о его дѣятельности, заключающихся въ донесеніяхъ изъ Петербурга пностранныхъ министровъ и особенно—въ дипломатической перепискѣ русской коллегіи иностранныхъ дѣлъ, даетъ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XLVI, 286. Графъ Сольмсъ, сообщая Фридриху о нѣкоторыхъ несогласіяхъ между Панинымъ и Чернышовыми въ первое время турецкой войны, прибавляетъ: „я однако считаю долгомъ увѣрить ваше величество, что недоразумѣнія пропсходящія время отъ времени между ними, не дойдутъ до интригъ, которыя могли бы имѣть печальныя послѣдствія“—*Сборникъ*, т. XXXVII, 193.

намъ полное основаніе сказать, что взгляды на качества Панина и его дѣятельность, высказывавшіеся прежде, въ значительной своей части совершенно невѣрны. Полная оцѣнка дѣятельности гр. Н. И. Панина неразрывно связана съ подробною исторіей всей внѣшней политики Россіи за первыя 20 лѣтъ Екатерининскаго царствованія; поэтому здѣсь мы и не думаемъ дать такую оцѣнку этого знаменитаго министра; мы приведемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о его дѣятельности, замѣчаній, которыя намъ кажутся необходимыми для того, чтобы правильно понимать внѣшнюю политику Россіи за первые годы Екатерининскаго царствованія.

Отзывы иностранныхъ дипломатовъ о Н. И. Панинѣ очень разнорѣчивы: одни говорятъ о немъ съ большими похвалами, другіе — даютъ недружелюбные отзывы. Къ свидѣтелямъ второй категоріи относятся гр. Мерси и французскіе дипломаты; но и изъ нихъ гр. Мерси не отзывается дурно, а тѣмъ болѣе пренебрежительно, объ умѣ или честности Панина; онъ только недоволенъ его направленіемъ и на основаніи донесеній гр. Мерси надо. скорѣе, заключить, что его главный противникъ, Н. И. Панинъ, человѣкъ замѣчательный. потому что графъ Мерси никакъ не можетъ одержать надъ нимъ верхъ, и не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обвинить его въ какихъ нибудь неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, съ помощію которыхъ онъ даетъ торжество своимъ взглядамъ. Гораздо рѣже даютъ неодобрительные отзывы о Панинѣ англійскіе посланники; разъ Букингамъ пишетъ, что способности Панина оказываются меньше, чѣмъ онъ нашелъ ихъ при первомъ знакомствѣ, затѣмъ Макартней и Гуннингъ жалуются, что увлеченіе Панина одною дамою отвлекаетъ его отъ дѣлъ [1]),—но обыкновенно эти неодобрительные отзывы являются непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ посламъ приходилось доносить о неуспѣхѣ своихъ переговоровъ съ Панинымъ. Постоянно дурно говорятъ о Панинѣ французскіе дипломаты; но и въ ихъ словахъ мы видимъ недружелюбныя объясненія его поступковъ, стремленіе истолковать его дѣйствія въ дурную сторону—и не находимъ ни одного факта, который бы говорилъ во вредъ Панину и былъ бы доказанъ. Довольно полныя характеристики Панина дали намъ французскій уполномоченный Корберонъ и англійскій посолъ Гаррисъ; но объ онѣ не заслуживаютъ, кажется, особеннаго вниманія, потому что въ нихъ замѣчается болѣе стремленія дать характеристику красивую, оригинальную, чѣмъ указаній на

---

[1]) *Сборникъ*, т. XII, 80, 257, 258; т. XIX, 163, 326.

такія качества Панина, которыя мы сами видимъ въ дѣлахъ его. Такъ, Корберонъ говоритъ, что слова *нѣтъ* на языкѣ Панина не существуетъ, что онъ охотно обѣщаетъ свое согласіе на что угодно, но потомъ не исполняетъ обѣщаннаго [1])—между тѣмъ подлинныя донесенія Макартнея, Букингама, переписка съ Сольмсомъ и т. д. представляютъ намъ очень много случаевъ, когда Панинъ весьма твердо отстаивалъ свои желанія и отказывалъ иностраннымъ посламъ въ ихъ очень настойчивыхъ просьбахъ; безъ основанія также приписываетъ Корберонъ Панину мелочную хитрость—мы совершенно не видимъ ея въ его дѣйствіяхъ. Но во всякомъ случаѣ неблагопріятнымъ отзывамъ о Панинѣ можно противупоставить значительно большее количество отзывовъ чрезвычайно хорошихъ. Прямо почти восторженно отзывается о немъ англійскій посолъ лордъ Каскартъ (въ 1768 — 1769 гг.): „я рѣдко видалъ человѣка, съ которымъ такъ пріятно было бы вести дѣло; это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей, которыхъ мнѣ когда либо случалось знать“, говоритъ онъ; „могу увѣрить“, пишетъ онъ въ другой депешѣ, „что репутація откровенности, искренности и способностей этого министра отнюдь не преувеличена“; по его словамъ, онъ вполнѣ можетъ ручаться, что Панинъ не преслѣдуетъ другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, какія соотвѣтствуютъ пользѣ и чести его государыни и упроченію въ Россіи правительства [2]); твердость убѣжденій, пріятное обращеніе, правдивость Н. И. Панина, исключавшую съ его стороны всякое лукавство, всякую возможность интриги для интриги [3])—единогласно признаютъ за нимъ и всѣ другіе посланники, единогласно свидѣтельствуютъ они и о его неподкупной честности [4]). Вообще же Н. И. Панинъ представлялъ изъ себя полный типъ дипломата XVIII вѣка: Лябрюйеръ въ своихъ Les caractères даетъ положительно его портретъ [5]).

Но мы вообще не придаемъ рѣшающаго значенія отзывамъ людей, настроеніе которыхъ слишкомъ легко мѣнялось подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ и которые нимало не скупились на самые опредѣленные,

---

[1]) La cour de Russie, 246—248.

[2]) *Сборникъ*, т. XII, 344, 362, 393, 428—430; т. XIX, 14.

[3]) *Сборникъ*, т. XII, 174, 274, 175; т. XXII, 387 и др.

[4]) *Сборникъ*, т. XLVI, 286; т. XXII, 18; La cour de Russie, 247 и др.

[5]) *La Bruyère*, Les caractères, Paris, 1843, 214—216. Сорель совершенно справедливо замѣчаетъ: „дѣлая выписки изъ писемъ дипломатовъ стараго порядка, замѣчаешь, что это не что иное, какъ превосходная характеристика Лябрюйера, раздробленная на мелкіе факты“—Европа и Французская революція, I, 17, пр. 3.

увѣренные отзывы, отчасти искренно увлекаясь, отчасти зная, что опровергнуть и даже провѣрить ихъ совершенно невозможно для тѣхъ, кому они писали. Несравненно болѣе важныя и къ тому же болѣе достовѣрныя данныя для характеристики Панина мы извлекаемъ изъ его дѣловой корреспонденціи.

Не желая вовсе преувеличивать заслуги и значеніе Н. И. Панина, нельзя не признать его во всякомъ случаѣ человѣкомъ замѣчательнымъ. Онъ не высказалъ идеи, которая бы наполнила умственную дѣятельность многихъ поколѣній, онъ не наложилъ своего отпечатка на всю государственную жизнь и на дѣятельность милліоновъ; но въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди какихъ пришлось ему дѣйствовать, онъ доставилъ Россіи блестящіе успѣхи и несомнѣнную пользу. Онъ явился достойнымъ ученикомъ и преемникомъ графа А. П. Бестужева-Рюмина и не часто, конечно, высокоцѣнная идея была воспринята отъ лучшаго учителя болѣе достойнымъ ученикомъ. Бестужевъ, безъ сомнѣнія, самый талантливый изъ людей, уже при Петрѣ сложившихся и имъ выдвинутыхъ, посвятилъ свои высокія дарованія тому, чтобы усилить политическое значеніе Россіи, поднять его до того уровня, на которомъ имѣлъ право видѣть свое государство русскій народъ. Много труда и энергіи вложилъ въ свою дѣятельность Бестужевъ и достигъ въ своихъ стремленіяхъ весьма значительныхъ успѣховъ; онъ съумѣлъ заставить западно-европейскія государства обращать на интересы Россіи вниманія несравненно больше, чѣмъ они это дѣлали прежде. Но по свойству ли своей натуры, по тѣмъ ли обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось ему работать—онъ не всегда выбиралъ средства, достойныя его ума и даже его положенія: въ немъ замѣчается склонность къ придворнымъ интригамъ, стремленіе опираться на людей, случайно вліятельныхъ у царствующаго государя, слишкомъ большая даже для того времени готовность допускать вліяніе на дѣла государственныя фаворитовъ. Послѣ паденія Бестужева его дѣло продолжалось его преемникомъ, но безъ такой энергіи и безъ такой ловкости; когда же послѣ короткаго перерыва завѣдываніе иностранными сношеніями Россіи перешло къ Панину, онъ, цѣликомъ воспринявъ главную идею Бестужева, положивъ ее въ основаніе своей политической системы, пошелъ своимъ путемъ снова съ умѣньемъ, не уступавшимъ умѣнью Бестужева, но пожалуй съ еще бо́льшимъ успѣхомъ. Панинъ не вынесъ за эту идею такой тяжелой борьбы, какую выдержалъ Бестужевъ; онъ не пережилъ, какъ Бестужевъ, того униженія всего русскаго, которое господствовало во время Бироновщины; Панинъ не

обладалъ той желѣзной волей, которая, кажется, не только не страшилась препятствій и борьбы, но ихъ искала, но Панинъ заимствовалъ у своего великаго учителя всѣ пріемы тонкаго и остраго ума, выработалъ замѣчательное умѣнье вліять на людей и на дѣла; въ прекрасной школѣ, работая подъ руководствомъ замѣчательнаго государственнаго мужа, Панинъ развилъ свои блестящія дарованія и, принявъ важную идею съ яснымъ пониманіемъ ея значенія, проводилъ ее со всѣмъ спокойствіемъ, со всею увѣренностью ничѣмъ не запятнаннаго человѣка и съ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ; но онъ не прибѣгалъ никогда и къ такимъ пріемамъ, которые Бестужеву казались вполнѣ позволительными. Можно утверждать положительно, что среди всѣхъ современныхъ Панину дипломатовъ не было никого, кто стоялъ бы выше Панина по личной честности,— но въ сношеніяхъ дипломатическихъ онъ остался вѣренъ своему вѣку и въ искусствѣ хитрить не уступалъ никому изъ своихъ современниковъ. Преслѣдуя одну, дорогую для насъ, русскихъ главную цѣль — усиленіе Россіи и увеличеніе ея значенія—Панинъ обнаруживалъ многократно и въ самыхъ различныхъ случаяхъ превосходство своего ума надъ дарованіями своихъ соперниковъ. Особенно замѣчательно въ немъ умѣнье подыскивать новыя и по существу своему симпатичныя точки зрѣнія, съ которыхъ онъ и умѣлъ представлять свои дѣйствія настолько убѣдительно и обстоятельно, что нерѣдко убѣждалъ и своихъ противниковъ и заставлялъ ихъ смотрѣть такъ, какъ представлялъ дѣло онъ; и многія идеи, высказанныя Панинымъ, не могли остаться безъ благотворнаго вліянія на расширеніе умственнаго кругозора его ближайшихъ сотрудниковъ и на созданіе у нихъ болѣе правильныхъ понятій о государственной дѣятельности, хотя его истинныя цѣли обыкновенно были гораздо практичнѣе и гораздо уже, чѣмъ его постановка вопроса. При Елизаветѣ Петровнѣ, напримѣръ, задержаніе Бирона объясняли „статскими резонами“, дѣлающими для Россіи невозможнымъ его освобожденіе, и болѣе ничего не представляли въ объясненіе; диссидентовъ поддерживали съ той точки зрѣнія, что они принадлежатъ къ религіи истинной и къ тому-же испов ѣдуемой императрицею—возможно ли сравнивать съ этимъ ту постановку, какую придалъ тѣмъ же вопросамъ Панинъ!? Онъ выставилъ нѣсколько общихъ положеній, которыя, по его словамъ, заставляли Россію принимать участіе въ этихъ дѣлахъ; и хотя мы отлично знаемъ, по перепискѣ самого Панина, что онъ вступался во все это единственно изъ желанія усилить Россію, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что

общія соображенія, выдвигаемыя Панинымъ въ объясненіе его дѣйствій, очень убѣдительны и что опровергать ихъ необыкновенно трудно. Читая его переписку съ иностранными дипломатами нельзя не видѣть, что и помимо того, кто былъ правъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по существу, онъ обыкновенно превосходилъ своихъ противниковъ умственною силою и необыкновеннымъ умѣньемъ находить слабые пункты въ аргументаціи противника и наносить имъ совершенно неожиданные удары въ то самое время, когда имъ, повидимому, удавалось поставить въ затруднительное положеніе его самого; переписка его съ герцогомъ Шуазелемъ по вопросу объ императорскомъ титулѣ русскихъ государей и съ польско-саксонскимъ правительствомъ по поводу Курляндіи представляетъ блестящія доказательства его ума и широты его взгляда. Внимательно вчитываясь въ донесенія изъ Петербурга иностранныхъ пословъ и сравнивая ихъ депеши съ перепискою Панина, мы замѣтимъ безъ труда, что почти всѣ эти послы довольно быстро подпадали подъ его вліяніе; самъ Панинъ въ перепискѣ съ гр. Остерманомъ и Чернышовымъ указываетъ на то, что Каскартъ относится очень внимательно къ его словамъ и разсужденіямъ и что—какъ видно изъ перлюстраціи его депешъ — иногда даже въ донесеніяхъ своихъ излагаетъ дѣло почти словами Панина; Панинъ подсмѣивается, что депеши Каскарта выходятъ поэтому слишкомъ длинными и обстоятельными [1]); впрочемъ, Панинъ самъ никогда особенно своимъ вліяніемъ на иностранныхъ представителей не хвастался. Но что онъ имъ пользовался въ очень высокой степени—доказывается депешами пословъ: нерѣдко они начинали сами, предъ своимъ правительствомъ, защищать точку зрѣнія Панина, такъ что ихъ собственное министерство принуждено было дѣлать имъ внушенія, чтобы они не слишкомъ ужъ поддавались этому вліянію [2]).

Результаты 20-ти лѣтняго управленія Панина министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Екатеринѣ вполнѣ доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ высоко замѣчательный. Онъ получилъ въ управленіе коллегію иностранныхъ дѣлъ черезъ полтора года послѣ того, какъ Австрія и Пруссія не допустили участія Россіи на переговорахъ о мирѣ, которымъ заканчивалась Семилѣтняя война, не смотря на то,

---

[1]) *Сборникъ*, т. LXXXVII, 195, 259, 299, 461.

[2]) См. напримѣръ, *Сборникъ*, т. XII, 280, 365—366, 394, 401—402, 438—440—донесенія Макартнея и Каскарта; т. XXII, 162, 168, 426, 471; т. XXXVII, 28 и др.—донесенія Сольмса.

что Россія принимала въ ней участіе — хотя, правда, она вышла изъ войны ранѣе—и не смотря на сильное желаніе Екатерины принять участіе въ общемъ замиреніи. Совершенно въ другомъ размѣрѣ представляется намъ значеніе Россіи въ 1779 г. на Тешенскомъ конгресѣ. Въ 1780 г., императоръ Іосифъ во время пребыванія въ Россіи въ разговорѣ съ А. А. Безбородкомъ „вступилъ въ похвалы графу Никитѣ Ивановичу (Панину), говоря, что онъ очень радъ пріобрѣсть его знакомство“, и высказывался, что впослѣдствіи его еще болѣе оцѣнятъ; на замѣчаніе Безбородка, „что и они имѣютъ министра, великую славу пріобрѣвшаго благоразумнымъ управленіемъ дѣлъ, ему порученныхъ“, императоръ сказалъ, „что онъ отдаетъ всю справедливость достоинствамъ князя Кауница, но не находитъ, чтобы ему было столько случаевъ и обстоятельствъ показать себя, какъ графу Никитѣ Ивановичу, который по сіе время имѣлъ репутацію министра въ дѣлахъ [1]), всю Европу интересующихъ, и такую силу, что можно приписать ему, какъ девизъ fiat et fit“ [2]). Черезъ три года послѣ этого, въ годъ смерти Н. И. Панина, гр. Сегюръ въ запискѣ, поданной имъ гр. Верженню, послѣ чего Сегюръ и былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, писалъ между прочимъ: „Pétersbourg est donc le point, où la politique doit porter toute son activité. C'est de la promptitude et du succès des négociations, qui vont s'y entamer, que dépend le sort de l'Europe“ [3]) .—Такъ возросло международное значеніе Россіи за время министерства Панина. Россія обнаружила за это время и огромныя матеріальныя силы, и вела блестящія войны; но навсегда останется заслугою Екатерины и Панина, что усилія русскаго народа были направлены такъ, что принесли огромную пользу Россіи. Извѣстно, къ сожалѣнію, что послѣ нихъ далеко не всегда такъ заботились объ интересахъ Россіи, какъ заботилась Екатерина II, и не часто умѣли дѣйствовать такъ успѣшно, какъ дѣйствовалъ гр. Н. И. Панинъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

---

[1]) Эту фразу надо, конечно, понимать такъ: „имѣлъ репутацію главнаго дѣятеля“....

[2]) Сборникъ, т. XXVI, 70.

[3]) *Rambaud*, Recueil, IX, 388.